

АЛЕКСАНДР
КОЛЮЧИЙ

ВОДНЫЙ
БАРОН

Александр (Колючий)
Водный барон. Том 1

«Автор»

2026

(Колючий) А. Л.

Водный барон. Том 1 / А. Л. (Колючий) — «Автор», 2026

Попал в тело нищего боярина с огромным долгом? Не беда. Главное — не снасти, а мозги. В прошлом мире я управлял поставками на миллионы. В этом — я начну с одной лодки и переверну всю экономику княжества. Мои враги — могущественный клан Авиновых и речные пираты. Мое оружие — логистика, жесткий расчет, который делает меня хозяином реки. Они хотят отобрать мой дом? Я куплю их дома. Они хотят войны? Я устрою им разорение. История о том, как строится империя. С нуля.

© (Колючий) А. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	32
Глава 4	38
Глава 5	45
Глава 6	51
Глава 7	63
Глава 8	72
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Александр (Колючий) Водный барон. Том 1

Глава 1

Я молча смотрел на норвежцев, позволяя тишине стать почти осязаемой. Секунду, две, три — достаточно долго, чтобы они начали ёрзать на стульях, безуспешно пытаясь найти комфортное положение. Переговорная на тридцатом этаже напоминала стерильную операционную: белые стены, стеклянный стол, панорамное окно от пола до потолка, за которым растекался дождливый мегаполис — серые крыши, мокрый асфальт, машины, застывшие в пробках вечернего часа пик, словно жуки в янтаре.

Пятница. Три часа дня. Время, когда нормальные люди уже думают о выходных.

Двое мужчин напротив — один лысый, второй с аккуратной бородой — были мокрыми от пота, хотя кондиционер работал исправно, поддерживая комфортные двадцать два градуса. Их дорогие пиджаки от Hugo Boss были мятыми, словно в них спали всю ночь. Лица красные, глаза налиты кровью. Они явно явились сюда прямо из аэропорта, даже не заезжая в гостиницу. На столе перед ними лежали мятые посадочные талоны, которые они то и дело теребили в пальцах, словно чётки.

Лысый открыл рот первым, и в его голосе я услышал характерное норвежское растягивание гласных, которое выдавало иностранца:

— Глеб, поймите

Я поднял ладонь. Жест был лёгкий, почти ленивый, но фраза оборвалась мгновенно, словно отрезанная ножом. В переговорной снова стало тихо.

Я разблокировал экран телефона, открыл папку с документами и пролистал три страницы — медленно, методично, усиливая напряженность момента, дав поту на их лбах выступить ещё отчётливее. Нашёл нужный пункт, прочитал про себя, кивнул сам себе и положил телефон на стол экраном вниз, давая понять, что я не тороплюсь и все козыри — у меня.

— Пункт четыре-два, — сказал я так тихо, что они оба инстинктивно подались вперёд, чтобы не пропустить ни слова.

Оба норвежца вздрогнули синхронно, словно их ударило током. У лысого был такой вид, словно я вытащил пистолет, а не назвал пункт контракта.

— При форс-мажоре, — продолжил я тем же ровным, почти монотонным тоном, не повышая голоса (кричать нужно только тогда, когда у тебя нет аргументов), — у поставщика есть четырнадцать дней на поиск альтернативного маршрута. — Я сделал паузу, давая словам осесть, глядя им прямо в глаза, фиксируя их реакцию. — Шторм в Норвежском море начался шестнадцать дней назад.

Бородатый дёрнулся, как марионетка, которую резко дёрнули за нитку:

— Но шторм же

— Вы две недели ждали у моря погоды, — перебил я, не давая ему развить мысль: я знал, куда он ведёт, и мне не нужна была эта дорога. — Буквально. Ждали, надеялись, молились, может быть, но не действовали.

Лысый попытался что-то сказать, набрал воздуха в лёгкие, но я продолжил, не дав ему вставить ни слова, раздавливая аргументы прежде, чем он успел их сформулировать:

— Время вышло вчера в полночь. — Я стукнул указательным пальцем по столу — один раз, отрывисто, как судья молотком. — Сегодня это уже не форс-мажор. Это халатность. Ваша халатность.

— Глеб, мы не могли предвидеть, что шторм продлится так долго, синоптики говорили

— Могли, — оборвал я.

Я разблокировал телефон, нашёл нужный контакт, посмотрел на норвежцев, давая им понять, что сейчас расклад сил в этой комнате изменится окончательно.

— Смотрите, — сказал я и нажал вызов, положив трубку на стол и включив громкую связь.

Три гудка, каждый из которых звучал в тишине переговорной, как удар колокола. Потом хриплый мужской голос, явно недовольный тем, что его оторвали от чего-то важного:

— Алекс слушает.

— Алекс, — сказал я, не сводя глаз с норвежцев, наблюдая, как меняются их лица, — это Глеб. Мне нужен борт.

Пауза. Потом недоверчивый смешок, словно он решил, что я шучу:

— Какой борт, Глеб? У меня сейчас свободны два «Боинга» и один

— «Антонов», — перебил я. — Который стоит в Гамбурге. Тот, что ты держишь на случай особых заказов.

Ещё одна пауза, значительно длиннее предыдущей. Я почти слышал, как Алекс делает какие-то расчёты в голове, прикидывает цифры, стоимость, логистику. Потом голос стал серьёзным. Он понял — я не шучу:

— Ты про «Руслан» говоришь? АН-124? Глеб, ты понимаешь

— Да, — сказал я, не давая ему закончить, чтобы не тратить время на объяснения очевидного. — Именно про него.

— Глеб — в голосе Алекса появилась нотка предостережения, которую я знал хорошо: он собирался сказать что-то о деньгах. — Ты понимаешь, сколько это будет стоить? Это не рейсовый самолёт, это

— Понимаю, — ответил я спокойно, почти равнодушно, словно речь шла не о сотнях тысяч долларов, а о такси до аэропорта. — У меня восемьдесят тонн лосося застряли в Осло. Один борт не увезёт — слишком много груза, слишком короткое окно возможностей. Мне нужен «Руслан», мне нужны его сто двадцать четыре тонны грузоподъёмности. У тебя есть три часа, чтобы забрать груз из порта Осло и встать на «окно» в Дубай, которое я уже забронировал через наших партнёров в Emirates.

Лысый норвежец побледнел так сильно, что я на секунду подумал, не вызвать ли ему скорую — казалось, он был на грани обморока. Бородатый сглотнул, и я видел, как его кадык дёргается, словно он пытается проглотить что-то очень большое и несъедобное.

— Три часа — это очень жёстко, Глеб, — сказал голос в динамике, и теперь в нём была не озабоченность, а профессиональная оценка задачи. — Растаможка, документы, команда, заправка Я не уверен, что мы успеем уложиться в

— Успеете? — спросил я, и в моём голосе была не угроза, а простая констатация факта: если он не успеет, я найду того, кто успеет, и Алекс это прекрасно знал.

Пауза. Потом вздох — не раздражённый, а скорее признательный, потому что Алекс любил сложные задачи, и я давал ему именно такую:

— Уже даю команду диспетчеру на подготовку к вылету. Груз заберём, успеем. Но счёт будет впечатляющим.

Я усмехнулся:

— Пришлѐшь на почту. Как обычно.

Я нажал отбой, убрал телефон в карман пиджака и посмотрел на норвежцев. Они сидели неподвижно, как статуи, словно боялись пошевелиться, чтобы не усугубить ситуацию. Лысый часто моргал, пытаясь осознать, что только что произошло. Бородатый смотрел в стол, словно пытаясь прочесть там объяснение, как они умудрились так провалиться.

— Мой самолёт будет в Осло через три часа, — мой голос был спокойным, деловым, без торжества и без злорадства: это была просто работа. — Ваша «халатность» только что

стоила вам разницы в логистике — разницы между обычным фрахтом и экстренным рейсом тяжёлого транспортника. — Я придвинул папку с документами через стол, и она заскользила по полированному стеклу с тихим шипением. — Счёт пришлют мои ассистенты в течение часа. А теперь подпишите здесь, пожалуйста, чтобы зафиксировать наше соглашение и ваше признание нарушения пункта четыре-два контракта.

Лысый взял ручку. Его рука дрожала — не сильно, но заметно, словно он держал не обычную шариковую ручку, а что-то очень тяжёлое. Он расписался неровно, криво, буквы расплзлись по странице, как пьяные муравьи. Бородатый расписался следом, его подпись была чуть увереннее, но в ней всё равно чувствовалось поражение.

Я встал, собрал документы в папку и отодвинул стул. В этот момент в переговорную вошёл Виктор Петрович — мой непосредственный руководитель, человек, который держал в руках все логистические нити компании. Он окинул взглядом сцену: норвежцев, сгорбившихся над подписанными документами, меня, застёгивающего пуговицу пиджака, и сразу всё понял.

— Господа, — обратился он к норвежцам на безупречном английском, которому я всегда завидовал. — надеюсь, мы нашли решение, устраивающее все стороны?

Лысый кивнул, не поднимая глаз. Бородатый пробормотал что-то неразборчивое.

Виктор Петрович вопросительно взглянул на меня, и я едва заметно кивнул.

— Отлично, — сказал он, и его голос был полон той деловой теплоты, которая означала, что переговоры завершены успешно. — Тогда позвольте мне проводить вас. Глеб, увидимся позже.

Для меня это был сигнал к выходу. Я кивнул норвежцам — один раз, коротко, в качестве завершающего штриха в симфонии переговоров — и вышел из переговорной, не оборачиваясь. Мне не нужно было видеть их лица, чтобы знать, что там было написано. За спиной я слышал, как Виктор Петрович начал говорить что-то успокаивающее о логистике и сроках, сглаживая острые углы, которые я намеренно оставил.

Я шагал по коридору к лифту, мимо стеклянных дверей других переговорных, мимо секретарей за стойками, мимо кулера с водой, который тихо булькал в углу. Они думали, я буду торговаться, но я не торгуюсь. Я не играю в эти игры. Я создаю новый маршрут, новое решение, новую реальность. Проблема была не в шторме — штормы случаются, и с этим ничего не поделаешь. Проблема была в узком горлышке их логистики, в их неспособности думать нестандартно, в их надежде на то, что природа сжалится. А я это узкое горлышко только что расширил до размера грузового люка АН-124.

Кабинет встретил меня привычной тишиной — в конце рабочего дня большинство сотрудников уже разошлись. Стол, маленький, но мой, два монитора, стеллаж с папками, за окном всё тот же дождь, который, кажется, не прекращал лить уже неделю. Я сел за стол, откинулся в кресле, потянулся, чувствуя, как затекшие мышцы спины приятно щёлкают, и открыл почту.

Сорок три непочитанных письма смотрели на меня с экрана, как небольшая армия, готовая к атаке.

Я на автомате сортировал письма по приоритету, даже не вчитываясь в темы — после нескольких лет работы здесь я научился определять важность письма одним взглядом. Нужно закрыть неделю. Выходные на турнире — это полное отключение от рабочих процессов. Два дня без почты, без звонков, без срочных вопросов. Я хотел уйти, зная, что ничего не горит.

Я разбирал письма с той же методичностью, с какой разделявал рыбу на турнирах — быстро, точно, без лишних движений. Ответил на срочные семь писем, требующих немедленной реакции. Перенаправил несрочные коллегам с короткими комментариями — двадцать три письма, которые могли подождать, но не должны были потеряться. Закрыв три отчёта — цифры, графики, прогнозы, которые я мог делать с закрытыми глазами, настолько въелась в меня структура этих еженедельных сводок.

Прошло минут сорок, может быть, чуть больше. Я не следил за временем, погрузившись в привычный рабочий транс. За дверью послышались шаги — быстрые, твёрдые, уверенные. Так ходил только один человек. Я даже не поднял головы, когда дверь распахнулась без стука. Виктор Петрович никогда не стучал — он считал, что это прерогатива просителей, а не руководства.

Лицо Виктора Петровича было возбуждённым, с горящими глазами, как будто он только что стал свидетелем чего-то впечатляющего. Он махнул рукой куда-то за спину, в сторону переговорной, словно указывая на место преступления:

— Глеб, — начал он, покачивая головой и подбирая слова, что для него было нехарактерно — обычно он говорил быстро и чётко. — Норвежцы говорили мне, что такого специалиста встретили впервые за двадцать лет работы в логистике. Ты не просто нашёл выход из ситуации, которая казалась патовой. Ты нашёл решение за считанные секунды, причём решение настолько нестандартное, что они даже не могли его предвидеть. — Он усмехнулся, и в этой усмешке было искреннее восхищение. — Они думали, что мы стали заложниками ситуации, что у нас нет вариантов, что мы будем умолять их найти способ простить задержку, дать нам скидку. А ты за три минуты развернул всю игру на сто восемьдесят градусов и показал, что заложниками были они, а не мы.

Я оторвал взгляд от монитора и посмотрел на Виктора Петровича спокойно, без ложной скромности, но и без бравады:

— Я просто знаю контракт и понимаю логистику. Когда знаешь правила игры, всегда можешь найти ход, который не увидят те, кто играет интуитивно.

Виктор Петрович подошёл ближе, оперся ладонями о край моего стола, наклонился, глядя мне прямо в глаза с той серьёзностью, которая означала, что сейчас он скажет что-то важное:

— Послушай, я знаю, ты уезжаешь на выходные на свою рыбалку

Он усмехнулся. Я знал, что он считал это чудачеством — зачем тратить выходные на сидение в лодке, когда можно отдохнуть в ресторане или на даче?

— Но эта неделя ты вытащил нас. Вытащил компанию, вытащил контракт, вытащил репутацию. — Он сделал паузу, давая словам осесть. — И знаешь что? Я пообещал норвежцам, что премирую тебя за это решение, чтобы они увидели, что мы ценим таких специалистов, как ты. Это подняло нас в их глазах, показало, что мы — команда профессионалов. — Он выпрямился, довольный собой. — Правда, им это понимание обошлось в кругленькую сумму, но это их проблемы.

Я закрыл последний документ на экране, сохранил изменения:

— Спасибо, Виктор Петрович. Ценю.

— Отдыхай, — сказал он, направляясь к двери. — В понедельник поговорим о деталях. И постарайся не утонуть там на своей рыбалке — ты мне нужен живым и в форме.

Он кивнул и вышел, прикрыв за собой дверь так аккуратно, словно боялся спугнуть мою концентрацию.

Я вернулся к работе, хотя работы, по сути, почти не осталось.

Ещё час прошёл в тишине, нарушаемой только тиканьем настенных часов и гулом вентиляции. Письма, цифры, графики, финальные штрихи. Отправил итоговую сводку Виктору Петровичу с пометкой «неделя закрыта». Закрыл последний отчёт, сделал резервную копию важных файлов на облако — привычка, выработанная годами работы с ненадёжными компьютерами в начале карьеры.

Я посмотрел на часы. Восемнадцать ноль-ноль. Ровно шесть вечера.

«Пора».

Я выключил мониторы, дождался, пока они погаснут с тихим щелчком, взял пиджак с вешалки, запер кабинет на ключ, проверив дважды, что дверь действительно закрыта — ещё

одна привычка, выработанная после того случая, когда я оставил кабинет открытым и уборщица случайно пролила воду на важные документы.

Коридор был почти пустым, если не считать пары задержавшихся сотрудников, уткнувшихся в мониторы. Пятница, конец дня, нормальные люди уже давно разбежались — кто в бар, кто домой к семье, кто на дачу. Я спустился на первый этаж, прошёл через турникеты, которые щёлкнули, считав мою карточку, и вышел на улицу, где меня встретили влажный холодный воздух и запах мокрого асфальта.

Дождь не прекращался, превратив город в акварельную картину с размытыми контурами.

Я шёл к парковке неспешно, и с каждым шагом чувствовал, как офисное напряжение уходит из плеч, из спины, из головы, словно я снимал тяжёлый рюкзак после долгого похода. Контракты, цифры, переговоры, игры в корпоративную политику — всё это оставалось за спиной, в том стеклянном здании, которое уже скрылось за поворотом. Впереди была другая жизнь. Настоящая. Та, ради которой я, собственно, и работал в этом офисе.

Я дошёл до своего места на парковке. Седан стоял там, где я его оставил утром — чёрный BMW 5-й серии, всегда чистый, всегда в идеальном состоянии, потому что это был мой рабочий инструмент, моя визитная карточка на встречах с клиентами. Я открыл дверь, бросил пиджак на заднее сиденье, снял галстук, чёртов галстук, который душил меня весь день. Аккуратно свернул его, как учил меня отец, и положил на пассажирское кресло.

Потом закрыл дверь, не садясь внутрь.

И пошёл дальше, через два ряда машин.

Там, на самом краю парковки, где обычно никто не ставит машины из-за удалённости от входа, стоял он. Мой настоящий автомобиль. Пикап Ford F-150 Raptor — огромный, американский, тёмно-зелёный, с широкими грязевыми шинами и высоким клиренсом, позволяющим проехать там, где обычная машина застрянет по самые двери. К фаркопу был прицеплен катер — белый, с синей полосой по борту, метров пять длиной, идеального размера для одного рыбака и всего его снаряжения. На транце, чуть выцветшая от солнца и воды, но всё ещё читаемая, красовалась надпись «Bass Hunter». Охотник за басом.

Я положил ладонь на борт катера и хлопнул — звук получился гулкий, твёрдый, уверенный, как удар по барабану.

«Офис — это игра, — думал я, глядя на своё отражение в мокром пластике борта, где дождь оставлял длинные извилистые следы. — Хорошо оплачиваемая игра, безусловно. Игра, в которой я неплохо преуспел, судя по премиям и повышениям. Но всё равно игра — с правилами, которые кто-то придумал до меня, с ролями, которые мне навязали, с масками, которые приходится носить. А вот это — Я снова хлопнул по борту, чувствуя, как вибрация отдаётся в ладони, — это работа. Настоящая работа, где побеждает сильнейший, умнейший, терпеливейший. Где нет начальников, которые ничего не понимают в деле, но имеют право указывать. Где есть только ты, вода и рыба».

Я открыл дверь пикапа и сел внутрь.

Салон встретил меня запахом, который невозможно спутать ни с чем другим — запахом резиновых сапог, озёрной воды, чего-то едва уловимого, похожего на рыбу и водоросли, смешанного с ароматом машинного масла и застарелого кофе. На приборной панели валялись солнцезащитные очки в царапинах, которым было лет пять. Я их не менял: они были удобными и проверенными. На пассажирском сиденье лежала смятая водонепроницаемая карта глубин Финского залива, вся исписанная моими пометками — места, где я ловил трофеи, где видел косяки, где течение особенно коварное. Сзади, на заднем ряду, громоздились ящики с приманками, запасные катушки, термос — старый, советский, но держащий тепло лучше любого современного, свёрнутый дождевик и запасная пара сапог.

Я повернул ключ зажигания.

Двигатель взревел — мощно, с тем низким утробным басом, который невозможно спутать с жужжанием городских седанов. Это был рык хищника, звук, который вибрировал в груди, в костях, в самой душе, пробуждая что-то первобытное, древнее. Я усмехнулся, чувствуя, как по телу разливается предвкушение.

Достал телефон, открыл навигатор. Набрал знакомый адрес, который уже выучил наизусть, но всё равно вбивал каждый раз: «Финский залив. База Северный берег».

Маршрут проложился зеленой линией по экрану, петляя через город, выходя на трассу, уходя к воде. Два часа пути. Прибытие — двадцать ноль-один. Как раз к регистрации, с запасом минут в десять на непредвиденные задержки.

Я положил телефон в подстаканник, включил музыку — что-то инструментальное, без слов, спокойное. Не люблю слушать песни за рулём — они отвлекают. И выехал с парковки, чувствуя, как катер за спиной послушно следует за пикапом, чуть покачиваясь на сцепке.

Дождь барабанил по крыше с монотонной настойчивостью, в его шуме можно было раствориться. Дворники скрипели, сметая воду с лобового стекла широкими взмахами. Город плыл за окном, превращаясь в размытую картину — серые здания, мокрые тротуары, люди под зонтами, бегущие к метро, светофоры, отражающиеся в лужах красными и зелёными пятнами.

Международный турнир «Сутки на воде» — двадцать четыре часа непрерывной рыбалки. Старт в двадцать один ноль-ноль, когда уже почти совсем стемнеет. Призовой фонд — пятьдесят тысяч евро, которые достанутся тому, кто поймает больше всех по весу. Пятьдесят тысяч. Хорошие деньги, очень хорошие.

Но дело было не в них, и я прекрасно это понимал. Дело было в том, что я лучший. Я это знал, я это чувствовал, и теперь мне нужно было это доказать — не себе, не жене, не коллегам, которые считали мою рыбалку чудачеством. Доказать тем, кто понимает. Другим рыбакам. Профессионалам.

Покинув город, пикап набрал скорость, когда впереди открылась трасса — ровная, широкая, уходящая вдаль серой лентой между полями и перелесками. Дождь не ослабевал, превратившись в затяжную морось, которая может идти часами, днями, неделями. Небо было тяжёлым, свинцовым, давило сверху, словно хотело придавить всё живое к земле.

Я ехал и думал о турнире, прокручивая в голове стратегию, которую разработал за последние недели.

Двадцать четыре часа на воде. Без сна. Без отдыха. Только ты, лодка и рыба. Четыре контрольные точки — каждые шесть часов, где нужно подойти к судейскому катеру и показать улов. Пропустишь хотя бы одну — дисквалификация без права на апелляцию. Взвешивание строгое, профессиональное. Судьи проверяют каждую рыбу: размер, вес, вид, состояние. Если поймал что-то запрещённое — молодь, краснокнижный вид — штраф, вычитание баллов. Если пытался схитрить (кто-то в прошлом году пытался подложить в живорыбный садок рыбу, купленную в магазине) — вылет с позором и пожизненный бан на участие в турнирах этой серии.

Чистые правила. Честная борьба. Настоящее дело.

Мне это нравилось больше всего — эта прозрачность правил, эта невозможность скрыться за отговорками и оправданиями.

В офисе всё было по-другому, я это понимал каждый день всё отчётливее. Там люди хитрили не для победы, а для выживания. Врали, потому что система заставляла. Прятались за словами, за контрактами, за корпоративными улыбками, которые не доходили до глаз. Там побеждал тот, кто умел манипулировать, давить на нужные кнопки, выкручиваться из неудобных ситуаций, подставлять коллег, когда это выгодно, и притворяться другом, когда это необходимо.

А здесь здесь всё было просто, как в детстве, как в той жизни, которую я помнил до университета, до карьеры, до всей этой суеты.

Есть рыба — ты выиграл. Нет рыбы — проиграл.

Никаких отговорок. Никаких «форс-мажоров». Никаких оправданий типа «я старался, но обстоятельства», «погода подвела», «снасти были не те». Рыба или есть, или её нет. Ты либо лучший, либо нет.

Я свернул с трассы на грунтовку, и пикап загрохотал по ухабам, подпрыгивая на ямах, заставляя катер за спиной раскачиваться на сцепке. За окном замелькали деревья — сосны, ели, берёзы, всё мокрое от дождя, всё серо-зелёное в сумерках. Пахло хвоей и землёй, свежестью после дождя и чем-то ещё — близостью воды, которую я чувствовал, даже не видя её.

Ещё через десять минут, когда солнце уже почти скрылось за горизонтом, окрасив небо в тревожный красно-серый цвет, впереди показалась вода.

Финский залив.

Тёмный, широкий, бескрайний под низким небом. Волны шли мелкой рябью, и в сгущающихся сумерках они казались почти чёрными. Вдали, на расстоянии километра или двух, виднелись огни — база «Северный берег», которая в турнирные дни превращалась в маленький город рыбаков.

Я въехал на территорию базы и сразу попал в другой мир, в параллельную реальность, где действовали другие законы.

Шум, движение, жизнь, кипящая на каждом квадратном метре.

Десятки катеров стояли у причалов — от маленьких, метра четыре, на которых выходили любители, до здоровенных, под десять метров, настоящих плавучих баз с каютами и навигационным оборудованием на десятки тысяч евро. Ещё больше машин с трейлерами громоздились на парковке, создавая лабиринт из металла и резины. Люди сновали повсюду: кто-то проверял моторы, наклонившись над ними с фонариком, кто-то перебирал снасти, раскладывая приманки на капотах машин, кто-то просто стоял и курил, глядя на воду с отстранённым видом, который выдавал нервное ожидание старта. Пахло бензином, машинным маслом, рыбой и солёным ветром — запахом, который я узнал бы среди тысячи других.

Я нашёл место для парковки, не самое близкое, но достаточно удобное. Заглушил двигатель и вышел, сразу почувствовав, как ветер хватает за одежду.

Ветер ударил в лицо — холодный, влажный, солёный, пахнувший штормом и свободой. Я поднял воротник куртки, застегнул молнию до подбородка и огляделся, оценивая обстановку профессиональным взглядом.

Слева, метрах в тридцати — регистрационная палатка, белая, с огромным баннером, на котором красными буквами было написано: «ТУРНИР СУТКИ НА ВОДЕ — 2024». Справа — причалы, где толпились участники, обсуждая стратегии, хвастаясь снастями, строя прогнозы на погоду.

Я пошёл к палатке, не спеша, чувствуя, как земля под ногами приятно пружинит после асфальта.

За столом в палатке сидела девушка лет двадцати пяти, в ярко-оранжевом спасательном жилете с логотипом турнира. Увидев меня, она подняла голову от планшета и улыбнулась той профессиональной улыбкой, которая говорила, что она уже видела сегодня пару сотен рыбаков и готова увидеть ещё столько же:

— Добрый вечер! Регистрация на турнир?

— Да, — сказал я, подходя ближе и доставая водительские права для подтверждения личности. — Глеб Соколов, предварительная регистрация была через сайт.

Она проверила список на планшете, пробежавшись пальцем по экрану, кивнула удовлетворённо:

— Есть, вижу. Номер участника пятьдесят три. — Она протянула мне пластиковую карточку размером с кредитку с чипом и шнурком, на которой было написано крупными цифрами «53». — Это ваш идентификационный трекер. Крепите на катер в любом видимом месте — на транце обычно удобнее всего. Он будет передавать ваши координаты и данные в режиме

реального времени на судейский сервер. Судьи видят всё — где вы находитесь, как быстро движетесь, где делаете забросы. Это для безопасности и для контроля честности соревнований.

Я взял карточку, повертел в руках, оценил вес. Лёгкая, грамм тридцать максимум. Качество пластика — прочный, не хрупкий, защита от воды — герметичный корпус:

— Взвешивание каждые шесть часов у контрольной точки? — Я знал правила наизусть, но хотел услышать подтверждение.

— Совершенно верно, — кивнула она, поправляя волосы, которые растрепал ветер с залива. — Контрольные точки в три ноль-ноль, девять ноль-ноль и пятнадцать ноль-ноль. Судейский катер будет стоять на якорю в центральной точке залива — координаты у вас в приложении. Если пропустите хотя бы одну контрольную точку — дисквалификация без права на апелляцию. — Она посмотрела на меня серьёзно, улыбка сошла с её лица. — Без исключений. Даже если мотор сломается, даже если заболаете, даже если начнётся шторм. Правила есть правила.

— Понял, — сказал я, пряча карточку во внутренний карман куртки. — Спасибо за инструктаж.

Регистратор пожелала мне удачи и уже переключилась на следующего участника, который стоял за мной в очереди с таким же нетерпеливым выражением лица.

Я вернулся к пикапу, чувствуя, как предстартовое напряжение начинает разливаться по телу — приятное, знакомое ощущение, которое я испытывал перед каждым турниром. Отцепил катер от фаркопа, проверив крепления дважды: привычка, выработанная после того случая, когда у одного из участников катер сорвался прямо на спуске. Завёл мотор пикапа и аккуратно, сантиметр за сантиметром, спустил катер по слипу — гладкому бетонному спуску, уходящему в воду под небольшим углом. Вода встретила катер всплеском. Волны сразу же начали плескаться о борта, раскачивая катер мерно и настойчиво, словно проверяя его на прочность.

Я закрепил идентификационный трекер под приборной консолью, убедившись, что он сидит плотно и не сорвётся при первой же большой волне. Проверил мотор — повернул ключ зажигания, нажал кнопку запуска и прислушался к звуку, который знал наизусть. Мотор завёлся с первого раза, заработал ровно, без перебоев, без того характерного трояния, которое обычно означало проблемы со свечами или топливом. Хороший, надёжный звук.

Начал загружать снаряжение методично, как всегда делал перед турнирами, проверяя каждую мелочь. Удилища — пять штук, разных длин и жёсткости, каждое под свой тип приманки и проводки: лёгкое для джига, среднее для воблеров, тяжёлое для джерков. Ящики с приманками: воблеры всех размеров и расцветок, от крошечных трёхсантиметровых до здоровенных пятнадцатисантиметровых монстров. Джиг-головки от четырёх до сорока граммов, блёсны вращающиеся и колеблющиеся, силиконовые твистеры и виброхвосты всех мыслимых цветов. Эхолот — последняя модель Garmin с боковым сканированием, которая обошлась мне в половину месячной зарплаты, но окупилась уже на втором турнире. Термос с кофе — два литра крепкого, горького, без сахара — топливо для длинной ночи. Дождевик: прогноз обещал переменную облачность, но я не верил прогнозам. Запасной аккумулятор для эхолота на случай, если основной сядет. Налобный фонарь с красным светом, чтобы не слепить себя ночью.

Всё, что нужно для двадцати четырёх часов войны с водой, рыбой и конкурентами.

Я посмотрел на часы — массивные, водонепроницаемые, с крупными светящимися стрелками. Двадцать пятьдесят. До старта оставалось десять минут, и эти минуты тянулись мучительно долго — время ожидания, когда всё уже готово, когда остаётся только сидеть и слушать, как нервы натягиваются, словно леска перед забросом.

Солнце клонилось к горизонту, окрашивая небо в тревожный грязно-розовый цвет, который обещал перемену погоды. Ветер заметно усилился по сравнению с тем, что был днём, принося с собой запах надвигающегося дождя. Флаги на причалах трепались на ветру, хлопая, как

паруса на старинных кораблях, создавая монотонный звуковой фон, под который можно было медитировать.

Я сел в катер, устроившись в кресле капитана так, чтобы найти наиболее удобное положение для долгих часов впереди. Откинулся на спинку, закрыл глаза и позволил себе погрузиться в то состояние сосредоточенного спокойствия, которое я всегда старался найти перед стартом.

«Двадцать четыре часа без сна, — думал я, чувствуя, как дыхание замедляется, становится глубже. — Это будет тяжело, очень тяжело. Тело будет требовать отдыха, глаза начнут слипаться, руки — дрожать от усталости. Но я готов. Я готовился к этому всю неделю — спал по девять часов, ел правильно, не пил алкоголь. Я готов».

Вокруг гудели голоса — возбуждённые, нервные, полные предвкушения. Кто-то смеялся, рассказывая анекдот. Кто-то ругался, обнаружив, что забыл дома важную приманку. Из чьей-то машины доносилась музыка — тяжёлый рок, который кому-то помогал настроиться на нужный лад. Пахло жареным мясом — кто-то разжёт мангал прямо на парковке и готовил шашлыки, превращая предстартовое ожидание в маленький пикник. Турнир ещё не начался, и люди расслаблялись, пользуясь последними минутами спокойствия.

А я просто сидел в своём катере и ждал, погружённый в себя, свои мысли, свою стратегию.

Ждал, когда взревёт сирена и начнётся то, ради чего я здесь.

И тогда начнётся настоящая работа.

Сирена взревела ровно в девять вечера, разорвав сумерки своим протяжным, почти животным воем, который, казалось, исходил не из динамиков, а из самой земли. Я открыл глаза — и в тот же миг мир вокруг меня взорвался движением, как будто кто-то нажал кнопку запуска гигантского механизма.

Десятки моторов завелись одновременно, создавая симфонию рёва, грохота и воя, которая заглушала всё остальное. Катера сорвались с места практически синхронно, ринувшись вперёд с такой яростью, словно это была гонка за жизнью. Волны начали биться друг о друга, создавая хаос на воде. Брызги летели во все стороны, оседая на лицах, одежде, стёклах приборов. Прожекторы десятков катеров резали сгустившуюся темноту белыми и жёлтыми лучами, выхватывая из мрака куски воды, носы других лодок, чужие лица — напряжённые, сосредоточенные, полные азарта.

Я не спешил, оставаясь на месте, когда как вся флотилия неслась мимо меня.

Сидел за штурвалом неподвижно, смотрел на экран эхолота, изучая рельеф дна по загруженной карте глубин. Я всегда готовился к турнирам заранее, изучая акваторию по спутниковым снимкам и батиметрическим данным. И терпеливо ждал, пока эта стартовая лихорадка утихнет, пока толпа рассеется, пока каждый найдёт свою точку или решит, что нашёл. Другие неслись к камышам — туда, где классические учебники по рыбалке советуют искать щуку и окуня, где все привыкли начинать, потому что это самое очевидное место, где ловят те, кто полагается на стереотипы, а не на понимание поведения рыбы. Я видел, как их огни уходят вправо, к мелководью, к зарослям, стягиваясь в одну светящуюся массу. Слышал, как их моторы ревут на максимальных оборотах, перекрикивая друг друга, создавая гул, который, наверное, распугивает рыбу за километр.

«Идиоты, — подумал я без злобы, скорее с профессиональным сожалением, глядя на карту глубин, которую вывел на экран эхолота. — Ночью судак не стоит у камышей, как днём. Ночью он выходит кормиться на бровки, на мелководные столы, где днём было слишком светло и опасно. Они идут по дневной логике в ночную воду. Они идут не туда, куда нужно».

Я повернул штурвал влево, плавно и уверенно, и катер развернулся, послушно реагируя на моё движение. Я направил его в противоположную сторону от общей массы — туда, где эхолот показывал резкий свал глубины, ту самую классическую бровку, любимое место ночной

охоты судака. С четырёх метров дно резко уходило на десять, создавая своеобразную подводную стену, вдоль которой концентрировалась кормовая рыба, а за ней и хищник.

Вода была тёмной, почти чёрной, поглощающей свет. Неба не видно — только сплошная чернота, в которой невозможно различить, где заканчиваются облака и начинается космос. Ни луны, ни звёзд. Только свет моего прожектора, бьющий по воде узким лучом и превращающий всё остальное в непроглядную тьму.

Я шёл медленно, почти на холостом ходу, внимательно следя за экраном эхолота бокового обзора — дорогого устройства, которое позволяло мне видеть не только под лодкой, но и по бокам от неё, создавая трёхмерную картину подводного мира. Серые линии на экране складывались в понятную мне картинку дна: песчаные плато, каменистые гряды, корчи — затонувшие деревья, служившие укрытием для рыбы. И точки. Маленькие, плотные, светящиеся на экране, как звёзды на небе. Рыба.

«Вот, — подумал я, увидев плотное скопление отметок на глубине семь метров, прямо на той самой бровке, о которой я думал. — Крупные отметки, стоят плотной группой. Это не мелочь. Это они, судаки, вышли на охоту».

Я заглушил мотор, и тишина накрыла меня мгновенно, как тяжёлое одеяло.

Плеск воды о борт катера, который покачивался на мелкой волне. Далёкий, еле слышный гул чужих моторов где-то у камышей, доносящийся через воду, как воспоминание о шуме. Моё собственное дыхание и стук сердца, который постепенно замедлялся, входя в рабочий ритм.

Я взял удилище из держателя, выбрав спиннинг средней жёсткости — лёгкий, чувствительный, позволяющий ощущать каждое прикосновение приманки ко дну, каждый удар рыбы, даже самый осторожный. Привязал к плетённому шнуру джиг-головку весом двенадцать граммов, оптимальный вес для глубины семь метров и слабого течения, и насадил на крючок силиконовую приманку — твистер тёмно-зелёного цвета с мелкими золотистыми блёстками, которые ловят любой намёк на свет и превращают его в провоцирующие блики.

Забросил, выполняя привычное движение — взмах удилища, отпускание лески, полёт приманки через темноту.

Приманка упала в воду с тихим, почти нежным всплеском, который едва нарушил ночную тишину. Я начал считать секунды, отслеживая падение по натяжению лески, представляя в голове, как приманка планирует вниз сквозь толщу воды: раз два три четыре Стук — характерное ощущение, когда джиг-головка касается дна, передающееся через удилище прямо в руку.

Дно найдено. Семь метров. Точно по эхолоту.

Я начал проводку, используя классическую ступенчатую технику: два оборота катушки, приманка поднимается от дна; пауза три секунды, приманка падает обратно. Два оборота — пауза. Два оборота — пауза. Медленно, методично, позволяя приманке играть, позволяя хищнику заметить её, проследить за движением, принять решение.

Удар пришёл на пятой проводке.

Резкий, злой, как удар кулаком в живот.

Удилище согнулось мгновенно, превратившись в дугу под тяжестью рыбы на другом конце лески. Я почувствовал, как леска натянулась, вибрация прошла через удилище прямо в мои руки, в мои плечи.

— Есть, — сказал я вслух в пустоту, хотя меня никто не слышал, но мне нравилось проносить это слово — короткое, победное, констатирующее факт.

Я подсёк коротким, жёстким движением кисти вверх, фиксируя крючок в пасти рыбы, не давая ей возможности выплюнуть приманку. Рыба дёрнулась в ответ, пошла вниз мощным рывком, но я уже держал контроль. Катушка запела под нагрузкой, издавая тонкий, высокий звук фрикциона, который я настроил именно так, чтобы стравливать леску только при критической нагрузке. Я работал спокойно, применяя технику, отточенную годами: выбирал леску,

когда рыба слабела, ослаблял давление, когда она делала рывок, снова выбирал. Не спешил, не давил, не форсировал — просто методично забирал метр за метром, утомляя противника.

Через минуту, которая показалась вечностью, я завёл добычу в подсак — широкую сетчатую корзину на длинной ручке, которая позволяла безопасно взять даже крупную рыбу, не рискуя сорвать её у самого борта.

Судак. Килограмма на полтора, может, чуть больше. Тёмные вертикальные полосы по серебристым бокам. Красные плавники. Глаза, отражающие свет фонаря, как два зелёных огонька. Красивый, чистый, здоровый экземпляр.

Я аккуратно снял его с крючка, стараясь не повредить пасть. Это турнир, а не промысел, и рыба всё равно пойдёт на взвешивание, но мне не нравилось калечить её без необходимости. Опустил в садок — специальный сетчатый мешок, привязанный к борту длинной верёвкой и опущенный глубоко в воду, где рыба могла оставаться живой до самого взвешивания. Судак дёрнулся, почувствовав пространство, и ушёл на дно садка, успокаиваясь в темноте и прохладе.

Я посмотрел на часы, подсветив циферблат фонариком. Девять двадцать. Двадцать минут с момента старта.

«Хорошее начало, — подумал я, готовя удилище к следующему забросу. — Очень хорошее начало. Если так пойдёт всю ночь, у меня есть шансы».

Ночь тянулась с той особенной вязкой медлительностью, свойственной только длительным бессонным испытаниям, когда время перестаёт течь нормально и начинает то замедляться до полной остановки, то вдруг проскакивать целыми кусками.

Я ловил методично, с той же системностью, с какой работал в офисе, раскладывая сложные логистические цепочки: без суеты, без эмоций, без того азартного возбуждения, которое я видел у многих других рыбаков. Каждые полчаса проверял эхолот, анализируя изменения в поведении рыбы. Если косяк уходил с точки (а это случалось регулярно — рыба не стоит на месте, она постоянно перемещается в поисках корма), я менял позицию, используя знание акватории и логику поведения хищника. Если клёв затихал даже в присутствии рыбы под лодкой, это означало, что она сыта или напугана. Тогда я менял приманку, экспериментируя с размером, цветом, типом игры. Силикон заменял на воблер, когда нужна была более активная игра. Воблер менял на блесну, когда требовалась быстрая проводка. Блесну возвращал обратно на силикон, когда рыба требовала медленной, осторожной подачи.

Каждый час, точно по расписанию, пил кофе из термоса — горький, обжигающий, чёрный, как ночь вокруг меня, без сахара и молока: мне нужен был кофеин в чистом виде. Он обжигал горло, растекался по желудку жгучей волной, но через несколько минут приносил желанную ясность мысли, держал в тонусе, не давал провалиться в дрему, бороться с которой было все труднее.

Дождь зарядил около полуночи, когда на большинство участников уже накатила первая волна усталости. Мелкий, противный, косой ливень, который задувало ветром прямо в лицо. Я быстро натянул дождевик, который лежал под сиденьем, поднял капюшон и продолжал ловить, не давая дождю сбить ритм. Вода барабанила по ткани, стекала по лицу, попадала за воротник. Руки стали мокрыми, скользкими. Лицо покрылось каплями, все расплывалось в слепящей пелене дождя. Но останавливаться было нельзя — каждую минуту простоя использовали конкуренты.

К трём часам ночи, когда усталость уже по-настоящему давила на виски, а в глазах появилась резь от света эхолота и фонаря, у меня в садке было двенадцать судаков — неплохой результат для первой четверти турнира.

Я подошёл к первой контрольной точке — плавучей платформе, которая стояла на якоре в центре залива, залитая светом прожекторов, превращающих окружающую тьму в ярко освещённую сцену. На платформе стояли весы и сидели судьи в ярко-жёлтых спасательных жилетах, с планшетами в руках, фиксирующие каждое взвешивание. Я пришвартовался к плат-

форме и выгрузил садок на палубу, наблюдая, как судья методично перекладывает рыбу на весы, проверяя каждый экземпляр на соответствие правилам.

— Двенадцать килограммов ровно, — объявил он после взвешивания, записывая результат в планшет и показывая мне экран для подтверждения. — Второе место на данный момент. Немец впереди с небольшим отрывом. У него четырнадцать килограммов.

Я кивнул молча, принимая информацию без эмоций, как данность. Опустил садок обратно в воду, развернул катер и ушёл обратно на свои точки, чувствуя, как усталость начинает превращаться в тупую, давящую боль в затылке.

«Два килограмма отставания, — думал я, возвращаясь к бровке, где оставил косяк. — Это не критично. Два килограмма — это одна крупная рыба весом в два кило, или три средних по семьсот граммов. У меня впереди ещё восемнадцать часов, и всё может измениться десять раз».

Солнце поднималось медленно, нехотя, словно не хотело вылезать из-за горизонта в такую погоду. Небо окрасилось сначала в грязно-розовый цвет, потом потускнело до серого, унылого. Вода, которая ночью была чёрной и таинственной, стала видимой — тусклой, свинцовой, рябой от ветра.

Дождь кончился, оставив после себя мокрую, холодную реальность. Но ветер к утру только усилился. Он продолжал трепать воду, создавая волны, которые раскачивали катер и затрудняли проводку.

Я чувствовал усталость всем телом — она сидела в плечах, натруженных постоянными забросами; в шее, затёкшей от неудобной позы; в глазах, которые резало от недосыпа и постоянного напряжения. Веки стали тяжёлыми, как свинцовые гири. Руки затекали, пальцы плохо слушались, иногда промахиваясь мимо рукоятки катушки. Спина ныла от долгого сидения в одной позе. Но останавливаться было нельзя, немыслимо, невозможно — это было бы предательством самого себя, всей подготовки, всех усилий, которые я вложил в этот турнир.

Я продолжал менять приманки, пробовал разные техники проводки — от агрессивной быстрой до медленной, волочащейся по дну. Облавливал новые точки, используя карту глубин и свой опыт: бровки, перепады глубин, ямы, глубокие впадины, где рыба отдыхает, коряжники, затонувшие деревья, создающие укрытия. Ловил, ловил, ловил, превращая процесс в медитацию, в транс, в состояние, когда мозг отключается от всего лишнего и работает только на одну задачу.

К девяти утра, через двенадцать часов с начала турнира, у меня в садке было тридцать три килограмма рыбы — результат половины марафона, половины пути к финишу.

Я снова подошёл к контрольной точке для второго взвешивания, чувствуя, как тело перестаёт слушаться команд. Взвесил улов под внимательными взглядами судей.

Судья, тот же самый, что и ночью, посмотрел в планшет, сравнивая результаты:

— Тридцать три килограмма. Хороший темп, но всё ещё второе место. Немец держит лидерство — у него тридцать четыре с половиной килограмма. Отрыв сократился, но он впереди.

Я кивнул, не тратя силы на слова, и снова развернул катер, уходя обратно на воду.

«Всё равно мало, — думал я, чувствуя, как разочарование начинает подтачивать уверенность. — Темп хороший, но его недостаточно. Если я буду просто набирать по полкило в час, я приду вторым. Мне нужен трофей. Одна крупная рыба — щука на пять-восемь килограммов или судак-монстр, которая одним махом перевесит весь отрыв и даст мне преимущество».

Но где её искать? Где прячется та самая трофейная рыба, которая решит исход турнира?

День тянулся бесконечно, превращаясь в пытку. Ветер продолжал трепать воду, создавая условия, при которых ловля превращалась в борьбу не только с рыбой, но и со стихией. Волны били в борт катера с монотонной настойчивостью. Катер качало так, что иногда приходилось держаться за поручни, чтобы не вылететь за борт.

Я продолжал работать как автомат. Менял точки, когда рыба уходила. Менял приманки, когда клёв затихал. Снова ловил, снова взвешивал каждую рыбу в руке, прикидывая, сколько она добавит к общему весу.

К шести вечера у меня было сорок пять килограммов.

К восьми — пятьдесят два.

Немец всё ещё лидировал с результатом пятьдесят три килограмма.

Время утекало сквозь пальцы, как вода, как песок, неумолимо приближая конец турнира, и я чувствовал, как шансы на победу тают с каждым часом.

Восемь пятьдесят вечера. Двадцать часов пятьдесят минут.

До финиша турнира оставалось ровно десять минут — десять минут, которые могут решить всё.

Я сидел на глубокой яме, которую нашёл случайно, следуя за стаей чаек. Они обычно указывают на скопление кормовой рыбы, а где кормовая рыба — там и хищник. Глубина двенадцать метров, дно ровное, каменистое. Смотрел на экран эхолота с отчаянием человека, который понимает, что время истекает, а чуда не происходит. Эхолот молчал, показывая пустое безжизненное дно. Экран рисовал серую линию дна — ровную, монотонную, без единой отметки рыбы. Ни точек, ни пятен, ни признаков жизни.

«Рыба ушла отсюда, — думал я, вглядываясь в экран так пристально, словно мог силой воли заставить там появиться нужные мне отметки. — Все косяки ушли. Давление падает. Я чувствовал это по тому, как ломило виски. Температура воды снижается. Перед дождём, перед сменой погоды рыба всегда меняет поведение — уходит на мель, перестаёт кормиться, становится пассивной. Я опоздал. Я выбрал не то место».

Но что-то меня держало здесь, на этой яме, не давая уйти на другие точки. Какое-то внутреннее чувство, интуиция рыбака, которая нарабатывается годами проб и ошибок и которую невозможно объяснить логикой.

Я продолжал смотреть на экран эхолота, перестраивая его настройки, меняя частоту сканирования, чувствительность, пытаясь выжать из прибора максимум информации. И вдруг я заметил нечто, что раньше принимал за помеху.

Не рыбу. Не дно. Слой.

Тонкая, едва заметная линия на глубине семь метров, которая шла параллельно дну. Это была не донная структура, не камни, не коряга. Это был термоклин — граница между слоями воды разной температуры, невидимая глазу, но отчётливо видимая на эхолоте. Тёплая вода сверху, холодная снизу, и между ними — эта тонкая граница.

И под этой линией, если присмотреться очень внимательно, можно было разглядеть облако. Не сплошное, плотное, а рассеянное, размытое, как туман. Мелкая рыба — ряпушка, корюшка, другая кормовая мелочь, которая собирается на термоклинах, потому что там концентрируется планктон.

«Они не на дне, — понял я с такой внезапной ясностью, что даже перехватило дыхание. — Хищник не будет стоять на дне на глубине двенадцать метров, если вся еда находится в пяти метрах над ним. Он стоит под этим облаком кормовой рыбы, прямо под термоклином, прячется в холодной воде, откуда может сделать бросок вверх. Он невидим для эхолота, потому что его отметки смешиваются с отметками кормовой рыбы. Он там. Я знаю, он там».

Я схватил удилище — не лёгкое спиннинговое, а тяжёлое джерковое, предназначенное для больших приманок и крупной рыбы. Привязал к шнуру джиг-головку весом тридцать граммов — тяжёлую, как небольшой камень, и большой силиконовый твистер размером почти с мою ладонь, ярко-жёлтый с красным хвостом — комбинация, которая хорошо работает в сумерках.

Вертикальный сброс — техника, которую я использовал редко, но именно она идеально подходила для этой ситуации.

Я встал с кресла, чувствуя, как затёкшие мышцы протестуют против движения. Поднял удилище над головой обеими руками, прицелился и бросил приманку прямо вниз, за борт катера.

Она пошла вниз сквозь толщу воды, которую я представлял в голове по картинке эхолота: сквозь тёплый верхний слой, сквозь термоклин, ту самую тонкую линию, сквозь облако ряпушки, которое должно было расступиться перед тяжёлой приманкой, дальше вниз к тому месту, где, как я был уверен, стоял хищник.

Я считал секунды падения, представляя траекторию движения приманки.

Раз два три четы

Удар.

Это был не просто удар, какие я чувствовал за эту ночь и день сотни раз. Это был взрыв, детонация, катаклизм.

Удилище согнулось так резко и так сильно, что я услышал треск — бланк трещал под нагрузкой, грозя сломаться пополам. Катущка завизжала фрикционом на таких оборотах, что звук превратился в сплошной вой. Леска резала воду со свистом, натянутая как струна, вибрируя от напряжения.

— Есть! — выдохнул я сквозь зубы, чувствуя, как адреналин обжигает кровь, прогоняя усталость последних двадцати трёх часов.

Это была не просто рыба. Это был зверь, монстр, трофей, о котором мечтает каждый рыбак.

Щука пошла вниз — яростно, мощно, делая рывки такой силы, что мне приходилось упираться ногами в пол катера, чтобы не вылететь за борт. Я не форсировал вываживание, не давил на леску, не пытался силой вытащить её наверх, потому что знал из опыта: при такой нагрузке даже прочная плетёная леска может лопнуть, как нитка, оборвавшись в самый неподходящий момент. Я работал удилищем терпеливо и методично, гасил каждый рывок, выбирал по сантиметру, давая рыбе устать, выбиться из сил, сдать.

Две минуты вываживания, которые показались часом. Три минуты. Четыре минуты, на которых я уже думал, что руки не выдержат.

Руки горели от напряжения, мышцы наливались свинцом. Спина ныла так, что каждое движение отдавалось острой болью. Пот лился по лицу ручьями, заливал глаза, мешал видеть, смешивался с брызгами воды.

Но я держал, не отпуская, не ослабляя хватку ни на секунду.

Рыба показалась на поверхности воды, разрывая её в фонтане брызг.

Огромная. Невероятно огромная для этих вод. Тёмная, почти чёрная, с зеленоватым отливом на спине. С жёлтыми глазами, горящими злобой и яростью. Щука-мамка, матёрая хищница, которая прожила в этой воде не один год. Килограммов на восемь, а может быть, и больше — на глаз было трудно определить точно.

Я завёл её в подсак с первого раза, выполнив широкое, уверенное движение, отработанное тысячами повторений. Поднял подсак из воды, и тяжесть рыбы оттянула мои натруженные руки так, что я едва удержал равновесие.

Быстрым движением посмотрел на часы, хотя и так знал, который час.

Двадцать пятьдесят восемь. Двадцать часов пятьдесят восемь минут.

До финиша турнира оставалось ровно две минуты.

Я бросил подсак с рыбой на дно катера, не церемонясь и не заботясь о сохранности улова. Она всё равно пойдёт на взвешивание, а не обратно в воду. Рванул мотор на полную мощность, выкручивая рукоятку газа до упора. Катер взревел мотором, поднимая облако брызг, и понёсся к контрольной точке с максимальной скоростью, на которую был способен. Ветер бил в лицо так, что невозможно было дышать. Вода летела брызгами, заливая палубу, одежду, лицо. Я

видел огни судейской платформы впереди — яркие, белые, манящие, как маяк для корабля в шторм.

Я успел.

За десять секунд до того, как взревела финальная сирена.

На платформе меня встретили аплодисментами — громкими, искренними, такими, какие заслуживает человек, прошедший через двадцать четыре часа без сна и победивший.

Главный судья, седой мужчина в жёлтом жилете с нашивкой «Chief Judge», подошёл к моему катеру, заглянул в подсак и присвистнул — низко, уважительно. Поднял шуку из подсака, бережно, как священную реликвию, обеими руками — она была настолько тяжёлой, что одной рукой её было не удержать, и положил на электронные весы на центральном столе платформы. Посмотрел на цифровой дисплей, на котором загорелись светящиеся красные цифры. Глаза его округлились от удивления.

— Восемь килограммов триста граммов! — объявил он громко, чтобы слышали все присутствующие на платформе и в соседних катерах. — Общий вес улова участника номер пятьдесят три — Он нажал кнопку на планшете, суммируя результаты всех четырёх взвешиваний. — Шестьдесят килограммов триста граммов!

Толпа на платформе и в окружающих катерах взорвалась криками восторга и поздравлениями. Кто-то свистнул пронзительно. Кто-то захлопал в ладоши. Кто-то просто кричал «Ура!», радуясь зрелищу.

Судья поднял руку, требуя тишины, дожидаясь, пока гул стихнет:

— Господа! Это не просто победный результат. — Он сделал театральную паузу, наслаждаясь моментом. — Это новый абсолютный рекорд турнира «Сутки на воде» за всю историю его проведения!

Мои ноги стали ватными, тело отказывалось слушаться. Я стоял у поручня платформы, держась за него рукой, чтобы не упасть, и просто дышал. Тяжело, глубоко, ртом, как после долгого бега. Усталость наваливалась на меня теперь всей своей массой, как тяжёлый мокрый тулуп, под которым невозможно двигаться.

Немец — высокий парень лет тридцати пяти в красной куртке Gore-Tex, который лидировал почти весь турнир — стоял рядом, облокотившись на перила. Смотрел на шуку, которая всё ещё лежала на весах, и качал головой в немом изумлении. Потом повернулся ко мне, и на его лице была не злость проигравшего, а искреннее уважение профессионала к профессионалу:

— Где ты её нашёл? — спросил он с лёгким акцентом, но вполне понятно. — Я облавливал все известные точки. Все! И ничего подобного не видел.

Я пожал плечами, слишком уставший, чтобы вдаваться в подробности:

— Там, где никто не искал. Под термоклинком, на глубине.

Он усмехнулся, и в этой усмешке были и восхищение, и лёгкая зависть:

— Ты чёртов везунчик.

— Дело не в везении, — сказал я, глядя ему в глаза. — Дело в том, что я знал, где искать.

Мне вручили кубок под вспышки фотокамер и аплодисменты. Тяжёлый, килограмма на три, не меньше, металлический, холодный на ощупь, несмотря на тёплый вечер. На нём была выгравирована надпись золотыми буквами по отполированной поверхности: «ТУРНИР СУТКИ НА ВОДЕ — 2024. ПОБЕДИТЕЛЬ».

Вспышки фотокамер били в глаза с разных сторон, ослепляя так, что приходилось щуриться. Люди жали мне руку одна за другой, хлопали по плечу, кричали поздравления, спрашивали о технике, о приманках, о точках. Я улыбался — устало, но искренне, чувствуя, как удовлетворение разливается по телу, смешиваясь с усталостью.

«Я снова доказал, что я лучший, — думал я, глядя на свое отражение в отполированной поверхности кубка. — Доказал не словами, а делом. Доказал тем, кто понимает. Снова».

Но усталость накрывала меня всё сильнее, превращаясь из фонового ощущения в нечто доминирующее, всепоглощающее. Я не спал со вчерашнего утра — прошёл через весь рабочий день с переговорами, через дорогу на турнир и двадцать четыре часа непрерывной рыбалки. Больше сорока часов на одном только кофе и адреналине. Руки тряслись мелкой дрожью, которую я уже не мог контролировать. Ноги стали ватными, подкашивались при каждом шаге. Голова гудела, как улей. В глазах плыло, картинка двоилась.

Немец протянул мне руку для финального рукопожатия:

— Поздравляю. Заслуженная победа. Действительно заслуженная.

Я пожал его руку, чувствуя сильное, крепкое рукопожатие профессионала:

— Спасибо. Ты тоже был силён. В следующий раз, возможно, повезёт тебе.

Я сошёл с платформы, осторожно перешагивая с неё в свой катер, который покачивался на волнах. Вернулся на своё место. Начал методично укладывать снаряжение, сматывать лески, убирать приманки — выполняя привычные действия на автопилоте, не думая. Вывел катер к берегу, поднял его на трейлер, используя лебёдку. Закрепил крепления, проверив каждое дважды. Загрузил всё оборудование в пикап.

Поехал домой, чувствуя, как с каждым километром усталость становится всё тяжелее.

Ночное шоссе было пустым, словно после апокалипсиса — ни одной машины впереди, ни одной в зеркалах заднего вида. Только я, пикап, катер на трейлере и бесконечная дорога. Фары пикапа резали темноту двумя жёлтыми лучами, высвечивая мокрый асфальт. Недавно прошёл дождь, оставив после себя лужи, белую разметку, отбойники, которые мелькали за окном с монотонной регулярностью. Вскоре он начался снова, сильнее, чем утром. Капли барабанили по крыше пикапа, по капоту, по лобовому стеклу с такой силой, что казалось, будто кто-то сверху сыплет горох. Дворники скрипели, работая на максимальной скорости, но едва справлялись, оставляя на стекле мутные разводы, сквозь которые дорога была едва видна.

Я вёл машину медленно, осторожно, держа скорость на десять километров ниже разрешённой. Пикап тащил за собой трейлер с катером — тяжёлый, под тонну весом, неповоротливый груз, который на мокрой дороге превращал любой манёвр в потенциально опасное действие. Нельзя было резко тормозить — трейлер мог пойти юзом и развернуть машину, нельзя было резко поворачивать — катер на трейлере мог опрокинуться, нельзя было рисковать.

На пассажирском сиденье лежал кубок, который я не стал убирать в багажник. Он покачивался на поворотах, постукивая металлом о пластик торпеды, создавая лёгкий мелодичный звук. Металл поблёскивал в свете приборной панели, отражая зеленоватое свечение лампочек.

«Хорошие выходные, — думал я, глядя на дорогу сквозь пелену дождя, но видя не асфальт, а прошедшие два дня в ретроспективе. — Очень хорошие выходные. Сделка с норвежцами на восемьдесят тонн груза закрыта. Премия от Виктора Петровича обещана. Турнир выигран с новым рекордом. Трофей — дома. Завтра весь день буду отсыпаться, отключив телефон. Может быть, в понедельник возьму отгул, съезжу на дачу, порыбачу спокойно, без гонки, без турнирного стресса, просто для души».

Я зевнул — широко, до хруста в челюсти. Усталость давила на веки так, что они буквально слипались, как будто кто-то привязал к ним грузы. Глаза слипались каждые несколько секунд. Я моргнул — раз, второй, третий. Резко тряс головой, прогоняя дрему, которая подкрадывалась всё настойчивее. Открывал окно, впуская внутрь холодный влажный воздух, который должен был взбодрить, но помогал всё меньше.

«Ещё час, — думал я, глядя на навигатор, который показывал оставшееся расстояние. — Максимум час до дома. Я потерплю. Я должен потерпеть. Заснуть за рулём с трейлером — это смерть».

На заднем плане тихо играло радио — какая-то ночная программа на одной из FM-станций. Голос ведущего был монотонным, убаюкивающим: он рассказывал что-то про старые рок-

композиции. Я потянулся к кнопке переключения станций, чтобы найти что-то более бодрое, ритмичное — рок, металл, что-то с быстрым темпом, чтобы удержаться в тонусе.

Опустил взгляд на панель управления магнитолой на секунду — всего на одну секунду.

Нажал кнопку поиска станций.

Поднял глаза обратно на дорогу.

И увидел огни.

Слепящие, яркие, огромные, заполняющие всё лобовое стекло.

Прямо передо мной, на расстоянии, которое мозг не успел даже оценить.

Фура.

Она лежала поперёк дороги, перекрывая обе полосы полностью, превратив шоссе в тупик — огромная, белая, с красными габаритными огнями, которые горели, как глаза чудовища. Её занесло на мокром асфальте (водитель, видимо, не справился с управлением), и теперь она лежала боком, как огромная мёртвая рыба, вытасченная на берег. Полностью перекрыв проезжую часть. Как стена. Непреодолимая стена из металла.

«Тормо»

Я не успел даже договорить мысль.

Ударил по педали тормоза всем весом, со всей силы, на которую были способны мои уставшие ноги.

Пикап пошёл юзом по мокрому асфальту, и я услышал визг тормозных колодок — пронзительный, высокий, как крик. Запах горелой резины ударил в нос, едкий и удушливый. Катер на трейлере дёрнулся вперёд под действием инерции, толкая пикап, превращая торможение в скольжение. Я вывернул руль вправо резко, до упора, пытаюсь уйти хотя бы на обочину. Пикап пошёл боком, занесло, колёса потеряли сцепление с дорогой.

Не помогло. Слишком поздно. Слишком быстро. Слишком мокро.

Удар.

Оглушительный, как взрыв динамита в замкнутом пространстве.

Металл ломался, рвался, скрежетал с таким звуком, который невозможно забыть. Стекло взрывалось на тысячи осколков, которые полетели во все стороны. Я летел вперёд, хотя сидел на месте — инерция толкала моё тело к лобовому стеклу. Ремень безопасности впился в грудь, в плечо, так, что я почувствовал, как ломаются рёбра, и душил, перекрыв дыхание. Подушка безопасности взорвалась мне в лицо — жёсткая, как камень, как удар кулаком в нос.

Боль.

Взорвалась в груди, голове, руках, которые ударились о руль, везде сразу, заполняя всё сознание.

Потом тьма поглотила меня, быстро и безжалостно.

Темнота.

Полная, абсолютная, непроглядная, какой не бывает даже ночью.

Я не видел ничего — ни света, ни теней, ни форм. Не слышал ничего — ни звуков, ни голосов, ни шума. Не чувствовал ничего — ни тела, ни веса, ни температуры. Только пустота, которая заполняла всё пространство сознания.

«больно»

Глава 2

Первая мысль пришла откуда-то издалека, извне, как эхо в огромной пещере, слабое, размытое, едва различимое.

«Голова болит Всё болит Я жив?»

Я попытался пошевелиться, подать сигнал телу, заставить его отреагировать на команду. Не получилось. Тело не отвечало, не слушалось, словно его вообще не существовало.

«Авария Фура Я врезался Скорая Больница»

Память возвращалась обрывками, фрагментами, как плохо смонтированный фильм. Огни фуры. Визг тормозов. Удар в грудь. Боль. Тьма.

«Я жив. Раз я думаю — значит, я жив. Больница? Реанимация? Кома?»

Но что-то было не так. Что-то фундаментально, жутко не так.

«Холодно. Почему так холодно? Если я в больнице, там должно быть тепло. А здесь здесь ледяной холод, который пробирает до костей».

Я собрал всю волю, которая у меня оставалась, и попытался открыть глаза. Веки не слушались, словно их залили свинцом и прибили гвоздями к черепу. Я напрягся изо всех сил, заставляя мышцы работать.

Свет.

Тусклый, серый, мутный, как взгляд сквозь грязное стекло.

Я моргнул с трудом. Снова. Картинка становилась чётче с каждым морганием, медленно, мучительно медленно.

«Это не больница. Это не палата. Это не реанимация».

Я видел дерево — грубое, потемневшее от воды и времени, с торчащими сучками. Деревянные борта, обшитые досками, которые прилегали друг к другу неровно, оставляя щели. Запах сырости, плесени, гнили.

«Лодка? Я в лодке?»

Паника кольнула меня — острая, ледяная, как удар ножом под рёбра.

Я попытался пошевелить руками, чтобы схватиться за борт, подняться, понять, что происходит.

Не получилось.

Руки были за спиной, связаны. Что-то грубое, жёсткое впивалось в запястья, резало кожу при каждом движении.

«Верёвка. Меня связали. Кто-то связал мне руки».

Я дёрнулся рефлекторно, пытаюсь разорвать верёвку. Верёвка врезалась сильнее, до крови, но не поддалась ни на миллиметр. Я попытался сесть, опираясь на локти, и почувствовал воду.

Холодную.

Ледяную.

Она хлестала у щиколоток, плескалась на дне лодки, создавая мокрый, хлюпающий звук. Я посмотрел вниз, заставив глаза сфокусироваться, и увидел чёрную щель в днище лодки, из которой сочилась вода тонкой, но постоянной струйкой.

Лодка тонет. Я связан. Я в тонущей лодке с связанными руками.

Я снова дёрнулся — резко, яростно, отчаянно, используя всю силу, какая у меня была. Верёвка не поддавалась, врезаясь в кожу еще глубже, и я почувствовал, как что-то тёплое течёт по ладоням.

Кровь.

«Где я?! ЧТО ПРОИСХОДИТ?!»

Я поднял голову, преодолевая боль в шее, и огляделся, пытаюсь понять, где я нахожусь.

Вокруг была вода.

Тёмная, широкая, быстрая река, которая тянулась во все стороны до самого горизонта. Туман стелился по поверхности воды плотным белым покрывалом, скрывая берега, превращая мир в серое, размытое ничто. Вдали — очень далеко, почти на пределе видимости — виднелись крошечные огоньки. Может быть, деревня. Может быть, костры. Может быть, галлюцинация.

Холодный влажный ветер дул в лицо —, он принёс запах ила, гнили, мокрой древесины и чего-то ещё. Я не мог определить, чего именно, но это вызывало инстинктивный страх.

Я попытался крикнуть, позвать на помощь, привлечь чьё-то внимание.

Горло было сухое, как пустыня. Вместо крика вышел хрип — жалкий, сдавленный, который не долетел даже до ближайшего берега.

«Помогите Кто-нибудь»

Никто не ответил.

Только ветер, который унёс мой крик в пустоту, плеск воды о борта лодки и тишина, которая была громче любого звука.

«Это сон, — думал я, пытаюсь найти логическое объяснение происходящему. — Это должен быть сон. Кошмар. Авария. Я в коме. Мозг создаёт галлюцинации. Сейчас я проснусь в больнице, и всё будет нормально».

Но холод был слишком реальным, слишком осязаемым. Вода — слишком мокрой. Верёвка — слишком жёсткой. Боль в запястьях — слишком острой.

«Это не сон. Это реальность. Какая-то невозможная, безумная, но реальность».

И тут я почувствовал нечто, что заставило меня забыть обо всём остальном.

Руки.

Я чувствовал, как верёвка впивается в кожу, как запястья трутся друг о друга за спиной в попытках освободиться. И в этот момент мой мозг зафиксировал деталь, которая не укладывалась в сознание.

Странную. Невозможную. Ужасающую.

Запястья были тонкие.

Я почувствовал это сквозь боль, сквозь панику, сквозь шок. Почувствовал, как кости трутся — острые, выпирающие под тонкой кожей. Как кожа натянута туго, без слоя мышц, без жира, без той массы, которая должна быть у взрослого мужчины.

«Что»

Я был сильным человеком. Мне тридцать лет. Тренажёрный зал три раза в неделю минимум. Гребля, подтягивания, жимы. Мои руки могли часами удерживать удилище с десятикилограммовой рыбой, затащить катер весом в тонну на трейлер, порвать обычную верёвку, если приложить усилие.

Но эти руки

Эти руки не могли.

Они были слабыми, тонкими, костлявыми, как руки подростка, который ещё не набрал мышечную массу.

«Это не мои руки. ЭТО НЕ МОИ РУКИ!»

Паника грозила поглотить меня полностью, затопить разум, превратить в визжащее животное. Но сквозь неё, сквозь этот ужас пробилась другая мысль — чёткая, знакомая. Мысль Глеба-Логиста, который даже в кризисе искал решение.

«Руки связаны. Лодка тонет. Перекат впереди — я слышу его рёв. Три проблемы. Решаю по приоритету. Первое — освободить руки, иначе всё остальное не имеет смысла».

Я заставил себя перестать дёргаться в бесполезной панике и подумать рационально, методично. Это рыбацкая лодка — старая, примитивная, захламлённая. В таких лодках всегда валяется инструмент, обломки снастей, мусор. Нож. Острый камень. Железка с краем. Что-то, чем можно резать.

«Найти. Ногами».

Я начал шарить босыми ногами по дну лодки, покрытому ледяной водой, вязким илом и каким-то мокрым хламом. Пальцы ног натыкались на разный мусор: что-то скользкое, что-то мягкое и противное, камни, щепки

Металл.

Моя пятка зацепила что-то тяжёлое, остроугольное, совершенно не похожее на всё остальное.

«Нож. Или что-то подобное. Это моя единственная надежда».

Я попытался подтянуть его ближе к себе, зажав между пальцами ног, но металл был скользким от воды и ила, выскальзывал снова и снова. Лодка качалась, мешая. Вода прибывала.

«Не паниковать. Методично».

Я развернулся всем телом, игнорируя острую пульсирующую боль в затылке, и сел спиной к тому месту, где лежал нож, прижав его весом своего тела к борту лодки.

Нашарил его связанными за спиной руками. Схватил, осторожно, стараясь не порезаться. Почувствовал под пальцами холодный металл — что-то длинное, узкое, без рукояти. Только голый хвостовик и лезвие. Поверхность была шершавой, неровной, покрытой какими-то наростами и выбоинами.

«Ржавчина. Старый нож, который долго валялся в воде. Но лезвие есть — я чувствую край».

Я осторожно провёл пальцем вдоль кромки и почувствовал острое покалывание.

Острый. Достаточно острый, чтобы резать.

Ржавое лезвие режет даже лучше, чем гладкое, — работает как пила.

Я зажал хвостовик ножа между ладоней и начал пилить верёвку на запястьях, работая короткими, быстрыми движениями. Это было мучительно медленно и неудобно. Руки дрожали от холода и напряжения. Нож постоянно соскальзывал с мокрой верёвки. Я резал не только пеньку, но и собственные запястья, чувствуя, как свежая кровь смешивается со старой, течёт по пальцам, делая их ещё более скользкими.

Лодка резко качнулась — сильнее, чем раньше. Течение ускорялось. Гул переката нарастал, превращаясь из далёкого в близкий.

«Быстрее. У меня нет времени. Быстрее!»

Я пилил с отчаянием, вкладывая в движения всю силу, какая была в этих чужих, слабых руках.

Хруст. Одна прядь верёвки поддалась, лопнула.

Я дёрнул руками изо всех сил — и верёвка окончательно разошлась, рассыпалась на отдельные нити.

Свободен!

Я выбросил нож на дно лодки, где он исчез в воде, и схватился за борт окровавленными, дрожащими руками, пытаясь удержать равновесие в качающейся лодке.

Посмотрел вперёд.

Перекат был уже совсем близко — метрах в тридцати, не больше. Белая пена взрывалась на камнях. Рёв воды был оглушающим.

Река несла меня прямо в пасть смерти.

Быстро. Всё быстрее.

Я сидел на дне, руки всё ещё дрожали после борьбы с верёвкой, запястья горели огнём, но это было неважно. Важно было другое: я был свободен, но совершенно беспомощен.

Лодка без вёсел — просто корыто, игрушка в руках реки. Течение подхватило её и несло вниз по стремнине, вращая, швыряя, как щепку. Борта скрипели. Вода хлестала внутрь через шов в днище — уже не по щиколотку, а по икры. Холодная. Безжалостная.

Я вцепился в борт и попытался сориентироваться.

Берега мелькали по бокам — тёмные, размытые в предрассветной мгле. Деревья. Кусты. Высокий яр справа. Всё проносилось мимо с невозможной скоростью.

И впереди — звук.

Сначала я его почти не слышал за стуком сердца и шумом воды в ушах. Но с каждой секундой зловещий звук становился громче и отчётливее.

Гул.

Низкий, нарастающий, как далёкий раскат грома, но непрерывный. Гул, который исходил не с неба, а из самой реки, из воды, из камней на дне.

Память — чужая, но доступная, как открытый файл, подсказала название: Перекат Чёртов.

И вместе с названием пришёл страх. Глубокий, животный, древний страх, записанный в генах этого тела, в памяти мальчишки, который вырос на этой реке и слышал истории.

Перекат, где вода бьётся о камни. Где лодки ломаются, как спички. Где люди тонут, засасываемые водоворотами. Где река убивает.

Гул нарастал, превращаясь в рёв.

«Нет, — пронеслась мысль, и она одновременно принадлежала и сегодняшнему Глебу, и подростку, была одним голосом паники. — Нет, нет, нет»

Я вспомнил аварию. Вспомнил фуру, в которую я летел. Вспомнил удар. Вспомнил темноту.

«Я умер, умер там, на той дороге. Я умер и проснулся здесь. И теперь теперь я умру снова? Сразу? Даже не поняв, что произошло? Даже не узнав, где я? Почему я здесь?»

Паника сжала горло, но вместе с ней пришла ярость — отчаянная ярость Глеба-Логиста, который не привык сдаваться.

«НЕТ! Я не позволю! Я не умру, даже не попытавшись!»

Я вспомнил турнир. Вспомнил своё место в финале. Вспомнил, как я изучал карты глубин, анализировал структуру дна, находил точки, где стоит рыба.

«Если бы я мог видеть дно, — пронеслась отчаянная мысль. — Если бы у меня был мой эхолот, я бы увидел камни, увидел путь, нашёл бы проход»

Эхолота не было. Не было ничего, кроме лодки, воды и моих голых рук.

Но желание — отчаянное, звериное желание выжить, увидеть, понять — было.

И в этот момент что-то в моей голове щёлкнуло.

Боль взорвалась в черепе с такой силой, что я закричал — беззвучно, потому что воздуха не хватало на крик. Это было не продолжение боли от удара по затылку. Это было что-то новое, острое, пронзительное, как будто в мой мозг воткнули раскалённую спицу и начали крутить.

Я задержал дыхание — инстинктивно, не понимая зачем.

И мир изменился.

Дно реки проступило передо мной, как серая карта, где-то в затылке, в костях. Я чувствовал каждый провал, каждую отмель, каждый камень. А по мелководью, вдоль левого берега, пылила серебряная стружка — косяк рыбы, уходящий от быстрины.

Не визуальная карта — не картинка, не схема. Что-то другое. Я знал, где провалы. Где отмели. Где камни. Где глубина. Всё это было в моей голове, как будто я всегда это знал, как будто я родился с этой картой в мозгу.

Немые провалы — глубокие ямы, где вода засасывает и крутит. Тёмные пятна на карте — избегать.

Отмели — светлые полосы, безопасные, но мелкие.

И коряги — там, справа, торчащая из дна, как клык, невидимая с поверхности, но ясная для меня, как маяк.

Но самым удивительным было не это.

По мелководью, вдоль левого берега, пылила серебряная стружка.

Я не понимал, что это такое, но это было живое. Движущееся. Множество маленьких точек, которые шли вместе, оставляя светлые дорожки-тропы на сером фоне дна.

«Рыба, — понял я вдруг с абсолютной уверенностью. — Это косяк рыбы. Мелочь. Она идёт вдоль кромки, в безопасности, подальше от быстрины».

Серебряная стружка двигалась влево, к берегу, огибая что-то.

Я сфокусировался на этом «что-то».

Зубец тишины. Чёрный, немой провал между тропами. Не яма. Не водоворот. Что-то твёрдое, неподвижное, смертельное.

«Камень, — пронеслась мысль, холодная и ясная. — Острый. Большой. Скрытый под водой. Если лодку вынесет на него Промахнусь — и лодку расколется, как орех».

Память мальчика подтвердила: Камень-Клык. Убийца лодок.

Но рыба знала. Рыба обходила камень слева, прижимаясь к берегу.

«Следовать за косяком, — понял я. — Рыба не пойдёт туда, где опасно. Она ищет без-опасность. Мне нужно идти туда же».

Но как?

У меня не было вёсел. Лодка неслась по стремнине — тянул её прямо на Камень-Клык, прямо в пасть смерти.

«Раньше я пытался грести против течения. Идиот. Нельзя грести против, можно только направлять. Использовать силу реки, а не бороться с ней».

Я видел путь. Серебряная тропа вела влево, к левому берегу, в обход Камня-Клыка.

«Мне нужно повернуть лодку влево. Но как?»

Опыт Глеба-рыболова, который управлял лодкой на турнирах, подсказал: дифференциальная тяга. Чтобы повернуть нос влево, нужно создать больше тяги справа.

Но у меня не было мотора. Не было вёсел. Только руки.

«Тогда руки и будут вёслами».

Я оценил ситуацию: лодка неслась носом вперёд, зарываясь в воду. Нос был тяжёлым — в нём хлопала вода, просачивающаяся через шов.

«Нужно изменить развесовку».

Я резко переместился назад, на корму. Моего веса хватило — нос лодки слегка приподнялся, вышел из воды. Течение изменилось — теперь вода была в днище, а не в нос. Лодка стала более управляемой.

«Теперь — тяга».

Я развернулся боком, опустил обе руки в ледяную воду с правого борта. Вода обожгла ободранные запястья новой волной боли, но я сжал зубы и начал грести.

Не размашисто. Не с силой. Коротко, часто, как работает подвесной мотор на малых оборотах. Руки двигались одновременно — загребая воду, отталкивая её назад, создавая тягу.

Течение сопротивлялось, пыталось развернуть лодку обратно, вытолкнуть на стремнину, на Камень-Клык.

Но я видел карту. Я видел путь. Я видел серебряную тропу.

И я продолжал грести.

Секунды тянулись, как часы.

Руки начали неметь от холода. Запястья кричали от боли. Плечи горели от усилия.

Но лодку крутило как надо.

Медленно. Болезненно медленно. Но — крутило.

Нос лодки начал разворачиваться влево. Сначала на градус, потом на два, на пять.

Чёрный шёлк стремнины перестал тянуть прямо. Лодка начала соскальзывать с быстрины — вбок, к серебряной тропе, к левому берегу.

Гул переката был совсем близко — я чувствовал вибрацию в днище лодки, слышал рёв воды, бьющейся о камни.

«Ещё чуть-чуть. Ещё немного влево».

Я вложил в гребки последние силы.

Лодка развернулась ещё на десять градусов.

И вдруг я почувствовал, как она поймала другое течение. Не быстрину, а боковую струю, которая шла вдоль берега, вдоль серебряной тропы.

Лодку потащило влево — мягко, но настойчиво.

Я перестал грести и замер, держась за борт, глядя на серую карту в своей голове.

Зубец тишины — Камень-Клык — проплыл справа, в двадцати метрах. Я не видел его глазами — вода скрывала его под поверхностью. Но я чувствовал его — немую, мёртвую тишину, где не было ни течения, ни рыбы, только острый камень, торчащий из дна, как клык хищника.

Лодка прошла мимо.

Гул переката начал стихать — не потому что я прошёл его (перекат был ещё впереди), а потому что я ушёл с основной стремнины, которая неслась через центр переката, разбиваясь о камни. Я ушёл на боковую протоку, где вода была спокойнее, где течение замедлялось, где берег был близко.

Серебряная стружка рыбы плыла впереди меня, ведя к безопасности.

Я следовал за ней.

Лодка неслась дальше — уже не так быстро, не так хаотично. Течение несло меня вдоль берега, к отмели, к тихой воде.

Я сидел на корме, держась за борт, и пытался дышать.

Карта в голове всё ещё была яркой, чёткой, детальной. Я видел каждый изгиб дна, каждый камень, каждую яму. Я видел, как серебряная стружка рыбы расходится — часть косяка уходит глубже, в ямы, часть остаётся на отмели.

Я видел, как впереди течение замедляется, превращаясь из чёрного шёлка в серое спокойствие.

И я видел берег — правый берег, заросший кустарником, с полосой мелководья, с илистым дном.

«Безопасность. Я почти добрался».

Но вместе с этой мыслью пришла новая волна боли.

Головная боль усилилась — из пронзительной она превратилась в невыносимую, такую, что я зажмурился, стиснул зубы, вцепился в борт так, что ногти впились в дерево.

В ушах начало звенеть — высокий, пронзительный звук, заглушающий всё остальное.

И жажда. Дикая, нестерпимая жажда, которая вспыхнула так внезапно, что я задохнулся. Во рту мгновенно пересохло, язык прилип к нёбу, горло сжалось.

«Цена, — пронеслась мысль сквозь пелену боли. — Это цена того видения. Плата за то, что я увидел дно, путь, спасение».

Лодка замедлилась ещё больше. Течение почти исчезло. Я чувствовал, как днище начинает цепляться за дно — сначала легко, потом сильнее.

И вдруг — скрежет.

Скрежет.

Глухой, протяжный звук, который прошёл через днище лодки, через доски, прямо в мои кости.

Дно лодки чиркнуло по чему-то твёрдому — гравий, камни, песок. Лодка резко замедлилась, накренилась и застыла, наполовину в воде, наполовину на берегу.

Я сидел на дне этой проклятой лодки, всё ещё вцепившись в борт окровавленными руками, и не мог поверить в то, что случилось.

Тишина.

Не полная — вода всё ещё шумела где-то позади, на перекате, но здесь, у берега, этот звук был далёким, приглушённым, почти успокаивающим. Чайки кричали над головой — резко, пронзительно. Где-то вдали, за стеной тумана, который всё ещё стелился над водой, слышался колокольный звон — один удар, потом пауза, потом ещё один, мерный и неспешный.

Я жив.

Вопреки всем законам логики и вероятности — жив.

«Карта» в моей голове, та самая внутренняя картина дна реки, которую я видел во время чего? Видения? Галлюцинации? Дара? — исчезла так же внезапно, как появилась. Погасла, словно кто-то выключил экран. Остались только обычная река, обычная вода, обычный мир, и я совершенно не понимал, что происходит.

И боль.

Боль пришла следом, как волна прилива, накрывая всё сознание.

Головная боль взорвалась в черепе с такой силой, что я зажмурился, стиснув зубы до скрежета. Боль пульсировала где-то в основании черепа, будто меня ударили по затылку. Это была особая боль — острая, пронзительная, словно кто-то вбивал раскалённые гвозди прямо в виски с обеих сторон одновременно. Мигрень, но какая-то дикая, нечеловеческая, такая, от которой хотелось биться головой о стену, лишь бы она прекратилась.

В ушах зазвенело — высокий, пронзительный звук, похожий на писк москита, но усиленный в тысячу раз. Шум заглушал всё остальное, превращая мир в какофонию. Я слышал своё дыхание, стук сердца, крики чаек, но всё это было как будто под слоем ваты, приглушённое, искажённое.

И жажда.

Во рту было сухо — настолько сухо, что язык прилип к нёбу, как кусок пересохшей кожи. Горло горело, словно я глотал раскалённый песок. Слюны не было вообще. Каждый вдох царапал горло изнутри.

Я попытался встать, оттолкнуться от дна лодки, но ноги не слушались — они были ватными, чужими, отказывались держать вес тела. Я свалился на колени в воду, которая всё ещё хлюпала на дне лодки, холодная и грязная.

«Нужно выбраться. Нужно на сушу».

Я пополз — буквально пополз, как раненое животное, цепляясь руками за борт лодки, подтягиваясь, преодолевая каждый сантиметр с усилием. Перевалился через борт и упал в воду — в неглубокую, по колено, но ледяную, которая обожгла ноги новой волной холода.

Я пополз дальше, к берегу, который был всего в паре метров, но казался недостижимым, как горизонт. Руки вязли в иле — вязком, холодном, противном, который засасывал, не хотел отпускать. Колени скользили по камням. Я продвигался вперёд дюйм за дюймом, сантиметр за сантиметром, думая только об одном: «Вода. Мне нужна вода».

Наконец мои руки нащупали твёрдую землю — не ил, а мокрую траву, корни, что-то надёжное. Я выполз на берег, как тюлень, оставляя за собой след из грязи и крови, и рухнул на живот, уткнувшись лицом в мокрую землю.

Лежал так несколько секунд, просто дыша, чувствуя, как сердце колотится в груди так быстро, что кажется, сейчас разорвется.

Жажда была нестерпимой, доминирующей над всем остальным — над болью, над холодом, над страхом.

«Вода. Вода рядом».

Я поднял голову и увидел, что лежу в метре от кромки воды. Река плескалась у моих ног, тёмная, мутная, но это была вода.

Я пополз обратно к воде, опустил лицо прямо в неё и начал пить.

Жадно. Отчаянно. Не думая ни о чём.

Вода была холодной, с привкусом ила и тины, с мелкими частицами грязи, которые хрустели на зубах, но я пил, не обращая на это внимания. Глотал полными глотками, захлёбываясь, давясь, но не останавливаясь.

Слишком жадно.

Я вдохнул воду вместе с тиной, и она пошла не в горло, а в лёгкие. Кашель взорвался в груди — болезненный, удушающий. Я закашлялся так сильно, что согнулся пополам, выплёвывая воду, слизь, грязь. Кашлял целую минуту, может, больше, пока не почувствовал, что могу снова дышать нормально.

Когда кашель наконец стих, я откатился от воды, лёг на спину на мокрую траву и просто смотрел в небо, которое начинало светлеть — из чёрного оно превращалось в серое, предрасветное.

«Карта» в голове, которая ещё недавно была такой чёткой, такой ясной, теперь размылась, потерялась в тумане боли и усталости. Я помнил общие очертания — Камень-Клык, серебряные тропы рыбы, левый берег — но детали ускользали, как сон после пробуждения.

Жажда отступила. Головная боль тоже чуть ослабла, хотя всё ещё пульсировала в висках. Звон в ушах стал тише, но не исчез совсем.

Попытался снова вызвать карту — сосредоточился, прищурился, как там, в лодке. Ничего. Только остаточная боль в висках. Дар включался не по моей воле. Но он был. Я знал это теперь точно.

Я лежал на берегу, мокрый, окровавленный, покрытый грязью, и медленно осознавал главное: я выжил.

Я прошёл через смерть в аварии с фурой. Проснулся в чужом теле. Чуть не утонул в тонущей лодке. Прошёл через перекат, который убивает людей. И выжил.

Я на суше. Я свободен. Я жив.

Но что теперь?

Я повернул голову и посмотрел вокруг, пытаюсь понять, где я нахожусь.

Берег был диким, заросшим травой и кустарником. Позади меня поднимался высокий яр — крутой земляной обрыв, покрытый редкими соснами и берёзами, уходящий вверх метров на двадцать, может, больше. Вдоль яра вилась едва заметная тропа — узкая, протоптанная, явно старая.

Память — не моя, но почему-то доступная, как файл в чужом компьютере, который я мог открыть, подсказала: «Яр под Слободой. Тропа к дому».

«Дом, — подумал я, цепляясь за эту мысль, как за спасительную соломинку. — Дом — это тепло. Сухая одежда. Может быть, еда. Может быть, ответы на вопросы, которых у меня слишком много».

Я сел, преодолевая головокружение, накотившее волной. Посмотрел на свои руки при свете надвигающегося рассвета.

Тонкие. Костлявые. Запястья ободраны до мяса — кожа висит лоскутами, обнажая сырое красное мясо под ней. Кровь. Моя кровь, но в то же время не моя. Запеклась коричневыми корками, смешавшись с грязью и илом. Пальцы дрожат от холода и усталости. Ногти обломаны, под ними грязь.

Руки шестнадцатилетнего подростка, а не тридцатилетнего мужчины.

Чужие руки в самом буквальном смысле.

«Я — Глеб Соколов, — попытался я убедить себя, глядя на эти руки. — Мне тридцать лет. Я логист. Я рыболов. Я только что выиграл турнир. Я ехал домой и попал в аварию. Я»

Память кольнула — острая, яркая, чужая.

Не моя память. Память этого тела. Память Мирона.

Имя. Мирон Заречный. Шестнадцать лет. Сын рыбака Степана, который умер два года назад. Живёт с матерью Агафьей в маленькой избе на окраине Слободы Нижней. Должник. Касьян Авинов. Долг. Срок платежа. Удар по затылку. Темнота.

Всё это пришло не словами, а ощущениями, картинками, знанием, которое просто было — как будто я всегда это знал, но забыл, а теперь вспомнил.

«Мирон, — прошептал я вслух, и моё горло болезненно сжалось. — Меня зовут Мирон».

Это прозвучало правдиво. Более правдиво, чем «Глеб», хотя я помнил свою жизнь, помнил офис, помнил турнир, помнил аварию.

Две жизни. Две личности. Один разум.

«Я — Глеб, который проснулся в теле Мирона, — сформулировал я для себя, пытаюсь найти баланс между двумя реальностями. — Или я — Мирон, который вспомнил чужую жизнь? Какая разница? Главное — я жив. Факт выживания важнее философии».

Я заставил себя встать на ноги, хотя каждая мышца протестовала. Ноги были слабыми, тряслись, едва держали вес, но я стоял.

«Холодно, — осознал я вдруг, когда адреналин начал отступать. — Мне очень холодно».

Одежда была насквозь мокрой — грубая льняная рубаха, портки, всё прилипло к телу, ледяное, тяжёлое. Ветер дул с реки, пронизывая насквозь. Я начал дрожать — сначала мелкой дрожью, потом всё сильнее, пока зубы не застучали.

«Если я не согреюсь, я замёрзну. После всего, что я пережил, я просто замёрзну на этом берегу, как идиот».

Память Мирона подсказывала: дом недалеко. Вверх по тропе, через яр, потом по полю — минут двадцать ходьбы. Может, полчаса в моём состоянии.

«Нужно дойти до дома. Обогреться. И понять понять, где я. Что случилось. Почему я здесь. Что это за мир».

Я сделал первый шаг к тропе, которая вилась вверх по яру, и едва не упал — голова закружилась так, что земля ушла из-под ног. Я схватился за ближайший куст, удержался, дождался, пока головокружение пройдёт.

Второй шаг был чуть увереннее. Третий — ещё лучше.

Я начал подниматься по тропе, шаг за шагом, цепляясь за корни деревьев, за камни, за всё, что могло помочь.

Тропа была крутой, узкой, скользкой от утренней росы. Мои босые ноги скользили по мокрой земле, цеплялись за острые камни и корни. Я поднимался медленно, останавливаясь каждые несколько метров, чтобы отдышаться, преодолевая головокружение и слабость.

Небо продолжало светлеть — из серого в бледно-голубое с розовыми прожилками на востоке. Солнце ещё не взошло, но рассвет был близок. Воздух становился чуть теплее, хотя я всё ещё дрожал.

Когда я, наконец, выбрался из яра, передо мной открылся вид, который заставил меня остановиться и замереть.

Поле. Широкое, пологое, уходящее к горизонту. Но не современное поле с асфальтированными дорогами и линиями электропередач. Это было другое.

Грунтовая дорога, изрытая колеями от телег. Вдали виднелась деревня — но не коттеджный посёлок и не современная деревня с кирпичными домами. Это были избы. Настоящие деревянные избы из брёвен, низкие, вросшие в землю, с крышами из соломы или дранки. Заборы из плетня. Дым поднимался из труб, но не из современных кирпичных, а из деревянных, обмазанных глиной.

«Это не реконструкция, — пронеслась чёткая мысль. — Это не стилизация под старину. Это настоящее».

Память Мирона шептала: «Слобода Нижняя. Мой дом».

Память Глеба кричала: «Это невозможно! Такого не существует! Где машины? Где столбы? Где хоть что-то из двадцать первого века?!»

Я стоял на краю яра, дрожа от холода и шока, пытаюсь осознать, что вижу.

«Я не просто попал в чужое тело, — понял я с ледяной ясностью. — Я попал в другой мир. В другое время. В место, где нет ни офисов, ни турниров, ни пикапов, ни эхолотов. Только река, избы и»

Боль в затылке кольнула — острая, напоминающая.

Я поднял руку и осторожно ощупал затылок. Под волосами нащупал здоровенную шишку и засохшую кровь. Удар был сильным — тупым тяжёлым предметом.

И вместе с прикосновением пришло воспоминание — не моё, но яркое, как вспышка.

Ухмылка.

Лицо парня лет восемнадцати. Светлые волосы, серые глаза, кривая усмешка. Что-то тяжёлое в руке — дубинка? палка? — взмах —

Касьян.

Имя пришло из памяти Мирона с такой силой, что я сглотнул.

Касьян Авинов. Сын приказчика.

«Что это значит — приказчик? Что-то вроде менеджера? управляющего?»

Молодой, наглый, жестокий. Он ударил меня — ударил Мирона — по затылку. Связал. Бросил в лодку. Оттолкнул от берега.

Убийство, замаскированное под несчастный случай.

«Они думали, что я утону, — пронеслась мысль, и вместе с ней пришло холодное, рациональное озарение Глеба-Логиста. — Они инсценировали мою его смерть».

Зачем?

Память Мирона подсказала ответ, размытый, фрагментарный, но понятный: долг.

У семьи Мирона был долг перед Авиновыми. Большой долг. И срок платежа срок был сегодня? вчера? скоро?

«Если должник мёртв, — понял я с той же логикой, которую применял в офисе, раскладывая сложные схемы, — кредитор может забрать имущество в счёт долга без суда, без споров. Труп в реке — это чистое закрытие сделки».

Рейдерство. Обычное, банальное рейдерство. Только не через суд и подделку документов, а через убийство и инсценировку.

«Они думают, что я мёртв, — повторил я вслух, чувствуя, как ярость начинает пробиваться сквозь усталость и шок. — Они думают, что дело сделано».

И если они думают, что Мирон мёртв, то они уже идут куда?

К дому.

За имуществом.

За лодкой, причалом, избыю.

И за

Мама.

Слово пришло из памяти Мирона с такой силой, такой болью, что я задохнулся.

Агафья. Его мать. Моя мать? Я не знал её, но Мирон знал — любил, защищал, был всем, что у неё осталось после смерти отца.

«Если они думают, что я мёртв, они идут к ней, — понял я, и паника вернулась. — Прямо сейчас. Они идут забирать дом, выгонять её, может быть»

Я не закончил мысль, но она висела в воздухе, тяжёлая и страшная.

«Нужно бежать. Нужно добраться до дома первым. Предупредить её. Защитить её».

Глава 3

Тропа была крутой, узкой, скользкой от утренней росы. Мои босые ноги цеплялись за корни, скользили на мокрой земле, спотыкались об острые камни. Я поднимался медленно, останавливаясь каждые несколько метров, чтобы отдышаться, хватаясь за кусты и стволы берёз, когда головокружение накатывало особенно сильно.

Головная боль после видения всё ещё пульсировала в висках — не такая острая, как была, но достаточно сильная, чтобы каждый шаг отдавался эхом в черепе. Запястья горели огнём — кожа висела лоскутами, обнажая сырое мясо, которое покрылось новым слоем грязи. Мокрая рубаха прилипла к телу ледяным компрессом, и я дрожал так сильно, что зубы стучали.

Но я шёл. Потому что память этого тела — память Мирона — шептала мне, что я близко. Что дом там, за верхушкой яра, за полем. Что мама там. Что Касьян, может быть, уже там.

«Мама, — повторял я про себя, как мантру, помогающую преодолеть каждый шаг. — Касьян. Срок. Нужно успеть».

Я не думал о том, что всё это означает. Не думал о том, как я оказался здесь, в этом теле, в этом мире. Адреналин всё ещё пульсировал в крови, заглушая философию инстинктом выживания: двигаться, достичь цели, защититься.

Это было настоящее.

Я стоял на краю поля, дрожа от холода и шока, глядя на деревню, которую моя память знала, но которую мой разум не мог принять.

Воздух был другим. Чистым, резким, с запахами, которых я никогда не чувствовал в городе. Деревесный дым — не от угольных печей, не от газовых плит, а от настоящих дров, горящих в печах. Запах навоза — сырой, тяжёлый, доминирующий. Запах сырой земли, травы, реки.

«Где я? — спросил я себя, но ответа не было. — Когда я?»

Никаких машин. Никаких проводов. Деревянные избы. Плетёные заборы.

Это выглядело как четырнадцатый век. Может, пятнадцатый. Может, раньше.

«Это невозможно, — шептал разум Глеба-Логиста, который привык к Excel-таблицам и GPS-навигаторам. — Время не люди не»

Но память Мирона шептала другое: «Это дом. Это всегда было так. Это нормально».

Две реальности, два голоса, один разум.

Я сделал глубокий вдох, стиснул зубы и заставил себя двигаться дальше. Вниз по склону, по грунтовой дороге, к первым избам.

Деревня просыпалась. Из труб валил дым — кто-то уже топил печи. Где-то вдали кричал петух — не записанный звук, а настоящий, живой, резкий. Собака залаяла на меня — худая, рыжая дворняга, которая бежала вдоль плетня, скаля зубы.

Я ускорил шаг, игнорируя боль в ногах.

Память Мирона вела меня — налево, мимо колодца, настоящего деревянного колодца с журавлём. Мимо большой избы с крытым двором, кто-то богатый живёт, подсказывала память, направо по узкому переулку.

И вот — наш дом.

Изда на краю деревни, почти у самого леса. Брёвна потемневшие, старые. Крыша из дранки местами провалилась. Окна затянуты чем-то мутным. Труба — деревянная, обмазанная глиной, покосившаяся — дымила тонкой струйкой.

Но это был дом.

Я остановился у калитки — такой же плетёной, покосившейся, скрипучей.

Дверь избы была закрыта. Внутри не слышно ни звука.

«Она там, — подсказывала память Мирона. — Мама. Агафья. Она всегда дома в этот час».

Я поднял руку, чтобы толкнуть калитку, и замер.

Я не мог просто ворваться внутрь. Не вот так — мокрый, покрытый грязью и кровью, с диким взглядом и запахом реки. Если я ворвусь с криком «Меня убил Касьян!», я вызову панику, которую не смогу контролировать.

«Контроль, — прошептал внутренний голос Глеба-Логиста. — Мне нужен контроль над ситуацией. Паника — это пассив. Мне нужна стратегия».

Я сделал глубокий вдох, разжал кулаки, попытался успокоить дрожь в руках.

И толкнул калитку.

Она скрипнула — громко, протяжно.

Я пересёк крошечный двор (грязь, несколько кур, склонившаяся баня) и подошёл к двери.

Тяжёлая. Деревянная. Без замка — только деревянная задвижка.

Я толкнул её.

Дверь поддалась со скрипом.

И я шагнул внутрь.

Контраст ударил меня, как физическая волна.

Снаружи было холодно, сыро, пахло навозом и сырой землёй. Внутри было теплее. Не тепло, но теплее. И сухо.

Запахи обрушились на меня: сушёные травы, квашеная капуста — кислый, резкий запах из бочки у стены, древесный дым и что-то ещё — старое, застоявшееся, но не грязное.

Изба была небольшой. Одна комната — горница. Низкий потолок из почерневших от копоти брёвен. Маленькое окно, затянутое чем-то мутным, пропускало слабый предрассветный свет. Вдоль стены — массивная печь из глины и камня, от которой исходило слабое тепло, она почти остыла, но ещё держала жар. Рядом с печью — деревянная лавка. На лавке, укрывшись старым тулупом —

Она.

Женщина лет тридцати пяти, может, чуть старше, но выглядящая на все сорок пять. Лицо усталое, измождённое, с глубокими морщинами у глаз и рта. Тёмные волосы, туго стянутые платком. Одежда грубая, домотканая — сарафан тёмно-серого цвета, рубаха под ним. Она спала, не раздеваясь, прямо на лавке, прижавшись к остывающей печи.

Агафья.

Мать Мирона. Моя мать?

Память этого тела кольнула — острая, болезненная. Я знал её. Я любил её. Она была всем, что у меня осталось после смерти отца. У меня был отец, но я никак не мог его отчетливо вспомнить.

Но это была не моя мать. Моя мать жила в двадцать первом веке, в городе, в квартире с горячей водой и интернетом. Это была чужая женщина, которую я никогда не видел.

И всё же — моя.

Скрип двери разбудил её.

Она вздрогнула, открыла глаза — тёмные, испуганные — и села, сбрасывая тулуп. Повернула голову к двери.

И замерла.

Её глаза расширились. Рот приоткрылся. На секунду она просто смотрела на меня — мокрого, грязного, окровавленного подростка, стоящего на пороге.

Потом издала звук — сдавленный, шокированный вздох, как будто её ударили в живот.

— Миронушка!

Она сорвалась с лавки и бросилась ко мне — быстро, несмотря на возраст и усталость. Схватила меня за плечи, посмотрела в лицо, потом на запястья, на мокрую одежду, на грязь.

— Живой Господи Живой

Её голос дрожал, но она не плакала. Она была сильной — я видел это в её глазах, в том, как она держала себя. Хозяйка. Женщина, которая научилась справляться.

— Что стряслось?! — Её руки ощупывали меня, проверяя, цел ли я. — На Перекат снесло? Я я думала

Она не договорила, но я понял. Она думала, что я мёртв.

Я смотрел на её испуганное, измождённое лицо и думал.

Быстро. Холодно. Логично.

«Я не могу сказать ей правду. Не сейчас. Если я скажу, что меня пытались убить, она запаникует. Она захочет бежать к старосте, к кому-то ещё. Она поднимет шум. А Касьян узнает, что я жив, раньше, чем я буду готов».

Паника — это пассив. Мне нужен контроль.

«Ей нужна легенда. Простая, правдоподобная история, которая объясняет всё — мокрую одежду, раны, отсутствие лодки — но не упоминает врага».

Я кашлянул — горло всё ещё болело от речной воды и тины — и хрипло произнёс:

— Да На Перекате зацепило.

Голос был чужим — хриплым, надломленным, но это даже помогало. Это делало историю правдоподобнее.

Я кашлянул ещё раз, согнувшись, и продолжил:

— Упал головой ударился Лодку разбило.

Идеальная ложь. Она объясняла всё: мокрую одежду, рану на затылке, порезы на запястьях И главное — она не упоминала Касьяна.

Агафья замерла на секунду, глядя на меня, и я видел, как её страх трансформируется во что-то другое.

Облегчение. Потом — дело.

— Снимай мокрое. Живо, — скомандовала она, и её голос стал твёрдым, решительным.

Она развернулась и бросилась к печи. Подбросила несколько поленьев в угли. Я услышал, как огонь вспыхнул, зашипел. Схватила со стены чистую рубаху — грубую, домотканую, серого цвета — и кинула мне.

— Раздевайся. Сейчас.

Я стоял, дрожа, и смотрел на неё. Она была в режиме хозяйки — решительная, быстрая, не терпящая возражений. Женщина, которая знала, что делать в кризисе.

Я стянул мокрую рубаху — она прилипла к коже, и я едва смог её снять. Бросил на пол. Мокрые портки тоже. Остался голым, дрожащим, покрытым грязью и запёкшейся кровью.

Агафья не смотрела — она была занята. Она уже тащила что-то из угла — старый тулуп, овчинный, тяжёлый, пахнущий овцой и дымом.

— Надевай рубаху. Быстро. Потом — к печи.

Я натянул чистую рубаху — она была грубой, царапала кожу, но сухой. Потом Агафья накинула на меня тулуп и буквально подтолкнула к печи.

— Садись. Грейся.

Я сел на лавку, прижавшись спиной к тёплой, теперь уже горячей, глине печи, и почувствовал, как тепло начинает проникать в тело.

Впервые за несколько часов я почувствовал себя не в безопасности, но близко к этому.

Агафья исчезла в сенях и вернулась с деревянной миской, тряпками и чем-то ещё.

Она опустилась на колени передо мной и взяла мою руку — осторожно, но твёрдо. Посмотрела на запястье.

Кожа висела лоскутами. Сырое мясо под ней было красным, распухшим, покрытым грязью и запёкшейся кровью. Это выглядело ужасно.

— Это ты как? О камни? — спросила она, глядя на раны.

Мне нужна была ещё одна быстрая ложь.

— О снасти, — хрипло ответил я. — Запутался, когда падал.

Она кивнула, не сомневаясь. Её руки начали работать — она окунула тряпку в воду и начала осторожно промывать раны.

Боль была острой, но я стиснул зубы и терпел.

Пока она работала, мои глаза начали сканировать комнату.

Ищу аномалии. Ищу подсказки.

Изба была бедной. Очень бедной.

Стол — грубый, сколоченный из досок, выскобленный ножом до белизны. На столе — краюха чёрного хлеба, деревянная ложка, глиняный горшок.

Лавки вдоль стен — такие же грубые.

Печь — массивная, занимающая четверть избы. Это была не просто печь для готовки. Это было сердце дома — она обогревала, на ней готовили, на ней спали.

Иконка в углу — маленькая, потемневшая, с ликом, который я не узнал.

Бочка у стены — с квашеной капустой, судя по запаху.

Сундук — старый, потрёпанный, с железными петлями.

Всё на своём месте. Всё нормально для бедной избы четырнадцатого-пятнадцатого века.

Кроме одного.

Мой взгляд замер на столе.

На чистом, выскобленном столе, рядом с краюхой чёрного хлеба, лежал предмет, который не вписывался в картину бедности.

Лист бумаги.

Не грубый, не жёлтый, а белый. Почти белоснежный. Дорогой. Пергамент? Или что-то ещё более ценное?

На нём было что-то написано — я не мог разобрать с этого расстояния, но видел печать. Красную восковую печать внизу.

Чужеродный предмет. Дорогой. Официальный.

— Что это?

Я не планировал говорить вслух, но слова вырвались сами — хрипло, но с металлом в голосе.

Агафья, которая всё ещё промывала мои запястья, замерла.

Её руки застыли. Тряпка повисла в воздухе.

Она медленно подняла глаза и посмотрела на меня.

В её взгляде был страх. Тот самый страх, который она подавила, когда увидела меня живым. Он вернулся — глубокий, тяжёлый, безнадёжный.

— Мама, — повторил я, и мой голос стал тише, но твёрже. — Что это за бумага?

Она отвела взгляд. Опустила тряпку в миску. Медленно встала на ноги, вытирая руки о сарафан.

— Это — Её голос был тихим, сдавленным. — Это от Касьяна. От Авинова.

Имя упало в тишину избы, как камень в воду.

Касьян.

Воспоминание вспыхнуло в моей голове — яркое, как вспышка. Ухмылка. Светлые волосы. Серые глаза. Удар по затылку. Темнота.

— Касьян, — повторил я вслух, и моё тело отреагировало инстинктивно: мышцы напряглись, кулаки сжались. — Когда он приходил?

Агафья всё ещё не смотрела на меня. Она стояла спиной, глядя на печь.

— Вчера, — ответила она тихо. — Вечером. Я я думала, ты пропал. Он он тоже так думал. Спрашивал, где ты.

Я встал с лавки, сбросив тулуп. Подошёл к столу. Взял лист бумаги.

Тяжёлый. Дорогой. На ощупь — не обычная бумага, а что-то качественное, импортное.

Я попытался прочитать текст.

Буквы были странными — не современные кириллица, а что-то архаичное, с завитками и лигатурами. Но память Мирона подсказывала — я мог читать. Медленно, но мог.

Текст был формальным, официальным. Я узнал несколько слов: «долг», «срок», «требование», «имущество».

Внизу — красная восковая печать. На ней — оттиск герба: двуглавый орёл и что-то ещё.

— Что он хочет? — спросил я, не отрывая глаз от бумаги.

Агафья обернулась. Посмотрела на меня. В её глазах был ужас.

— Он принёс требование.

Я стоял у стола, держа в руках этот чужеродный, дорогой лист бумаги, и пытался осмыслить то, что читал.

Буквы были непривычными, архаичными, но память Мирона помогала. Медленно, по слогам, я складывал текст воедино.

«Сим напоминаю о возврате долга в сумме двадцати рублей серебром, данных в заем покойному Степану Заречному два года назад под заклад имущества. Срок возврата долга назначен на нынешний день, по истечении коего имущество подлежит изъятию в счёт долга согласно закону. Свидетель: Игнат Воронов, староста Слободы Нижней. Печать приказчика Авинова».

Двадцать рублей серебром. Имущество. Срок — сегодня.

Слова были простыми, но за ними стояла угроза, которую я понимал даже без знания экономики этого мира.

— Долг, — прошептал я, и память Мирона подсказала детали, фрагментами, обрывками. — Отец брал деньги у Авинова. Два года назад. На на что? На лодку? На сети? Не важно. Он не успел вернуть. Умер.

Агафья стояла у печи, обняв себя руками, и смотрела на меня с тем самым ужасом в глазах, который я видел раньше.

— Он сказал, — начала она тихо, и её голос дрожал, — что если мы не вернём долг, он заберёт всё. Дом. Лодку. Сети. Причал. Всё.

Я медленно опустил бумагу на стол.

«Рейдерство, — пронеслась мысль холодная и ясная. — Обычное, банальное рейдерство. Выдать кредит под завышенные проценты, дожидаться, пока должник не сможет выплатить, потом забрать имущество. Схема старая, как мир».

Но здесь была деталь, которая меня беспокоила.

«Касьян знал, что я не вернусь, — понял я. — Он ударил меня, связал, бросил в лодку и отпустил на перекаат. Он инсценировал мою смерть. Зачем?»

Ответ пришёл сам собой, логичный и холодный:

«Если наследник мёртв, кредитор может забрать имущество без споров. Без суда. Без свидетелей. Труп в реке — чистое закрытие сделки».

Я посмотрел на Агафью.

— Срок, — сказал я, и мой голос был тише, чем я хотел. — Когда срок?

Агафья сглотнула. Её руки сильнее сжали себя, как будто она пыталась удержаться от того, чтобы не расплакаться.

— Сегодня, — прошептала она. — Он сказал — сегодня. К закату. Если мы не принесём деньги сегодня к закату он придёт с людьми и заберёт всё. Он пришёл вчера вечером, принёс эту бумагу чтобы мы знали. Это последний день.

Сегодня. К закату.

Я поймал себя на слове. Рейдерство. Язык моего мира, но законы этого — понятны так же ясно, как будто я прожил здесь годы. Память Мирона услужливо подсовывала названия, а мышление Глеба мгновенно складывало их в знакомую схему. Удивительно и удобно.

Я посмотрел в окно. Небо за мутным пузырьём уже посветлело — не рассвет, но близко к нему. Может, час до восхода солнца. До заката оставалось что? Двенадцать часов? Четырнадцать?

Времени мало. Очень мало.

— Сколько у нас денег? — спросил я, хотя уже знал ответ.

Агафья покачала головой.

— Ничего. Совсем ничего. Я я продала всё, что могла. Последнее полотно — ещё месяц назад. У нас осталось только — Она обвела взглядом избу. — Только это.

Дом. Лодка. Сети. Причал.

Всё, что было у семьи Мирона.

— Двадцать рублей серебром, — повторил я вслух, пытаюсь оценить сумму. — Это много?

Память Мирона подсказала: огромная сумма. Целое состояние для бедной семьи. Год работы, может, больше.

Невыплатимо.

Я сел на лавку, чувствуя, как усталость наваливается на меня, как гиря. Головная боль всё ещё пульсировала. Запястья горели. Тело дрожало от холода, несмотря на тёплую печь.

«Касьян думает, что я мёртв, — повторил я про себя. — Он думает, что дело сделано. Что сегодня вечером он придёт, заберёт имущество, и никто не сможет ему помешать, потому что наследник утонул».

Но я не утонул.

Я выжил.

И теперь у меня было преимущество: он не знает, что я жив.

«Это даёт мне время, — понял я. — Немного времени. До заката. Двенадцать часов, может, чуть больше. Этого должно хватить».

Я поднял голову и посмотрел на Агафью.

— Мама, — сказал я, и это слово прозвучало странно — чужое, но в то же время правильное. — Мне нужно кое-что сделать. Но сначала скажи мне. Где наше имущество? Лодка, сети, причал — где всё это?

Агафья посмотрела на меня с недоумением.

— Ты ты же знаешь. Лодка — на причале, где всегда. Сети — в сарае за домом. Причал — у реки.

Лодка цела. Сети целы. Имущество на месте.

Хорошо. Очень хорошо.

— Покажи мне сарай, — попросил я, вставая с лавки. — Сейчас.

Агафья нахмурилась.

— Миронушка, ты ты весь избитый. Тебе нужно отдохнуть. Поешь. Я сварю.

— Покажи мне сарай, — повторил я, и мой голос стал жёстче. — Пожалуйста. Это важно. Она посмотрела на меня долгим взглядом — изучающим, беспокойным. Наверное, услышала что-то в моём голосе, чего не было раньше. Что-то чужое.

Но она кивнула.

— Хорошо. Пойдём.

Я накинул тулуп поверх сухой рубахи и последовал за ней к двери.

Глава 4

Двор за избой был крошечным — несколько квадратных метров утоптанной земли, обнесённой покосившимся плетнём. Несколько кур копошились в грязи, разбегаясь при нашем появлении. В углу стоял маленький сарай — покосившийся, с крышей из дранки, которая местами провалилась.

Агафья толкнула дверь сарая — она заскрипела, с трудом открываясь.

Внутри было темно и пахло сыростью, гнилью и рыбой.

Агафья зажгла лучину — я видел, как она достала кремень и огниво, высекла искры, раздула. Всё это было так архаично, так чужеродно, но память Мирона подсказывала, что это нормально. Слабый свет заплясал по стенам сарая.

Я вошёл внутрь и осмотрелся.

Сарай был почти пуст.

Вдоль стены висели остатки рыболовных снастей — несколько крючков, обрывки веревок, пустые поплавки из коры. На полу валялся старый бредень, небольшая сеть для ловли рыбы с берега. Он был в ужасном состоянии: дыры размером с кулак, нити гнилые, местами просто рассыпались в труху.

Рядом лежал деревянный ящик. Я открыл его. Внутри — ржавые крючки, несколько свинцовых грузил, моток тонкой бечёвки и старый нож без рукояти.

Всё.

Больше ничего не было.

— Это всё? — спросил я, оборачиваясь к Агафье.

Она кивнула, и по её лицу я понял, что она ожидала этого вопроса.

— Он забрал, — тихо сказала она. — Касьян. Он приходил месяц назад. Сказал, что берёт часть снастей в счёт долга. Забрал хорошие сети, невод, крючки всё, что было ценным. Оставил только это.

Она обвела рукой сарай — гнилой бредень, ржавые крючки, хлам.

«Рейд, — пронеслась ясная мысль. — Он уже начал забирать имущество. Постепенно, кусок за куском, чтобы мы не могли заработать. Чтобы к моменту окончательного изъятия мы были беспомощны».

Я присел на корточки рядом с гнилым бреднем, потрогал сеть. Нити рассыпались под пальцами, как труха.

«Бесполезно. Этим ловить нельзя. Нужен ремонт. Времени нет».

— Лодка хотя бы цела? — спросил я, вставая.

— На причале, где всегда, — ответила Агафья. — Её он не трогал. Пока.

Я кивнул, затыкая нож за пояс — может, пригодится. Вышел из сарая обратно во двор.

Агафья погасила лучину и последовала за мной.

Мы вернулись в избу. Тепло от печи обволокло меня, и я почувствовал, как усталость наваливается свинцовой тяжестью. Я не спал всю ночь. Прошёл через перекат. Чуть не утонул. Голова всё ещё пульсировала тупой болью.

Но останавливаться было нельзя.

Я подошёл к столу, где всё ещё лежала бумага с требованием. Взял её в руки, перечитал ещё раз — медленно, вдумчиво.

«Сим напоминаю о возврате долга в сумме двадцати рублей серебром»

Двадцать рублей серебром. Срок — сегодня к закату.

Я посмотрел на Агафью, которая стояла у печи, обняв себя руками.

— Мама, — сказал я ровным, деловым голосом. — Двадцать рублей серебром. Что это значит?

Агафья посмотрела на меня с недоумением.

— Что что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду — сколько это? В чём можно измерить? — Я говорил быстро, чётко.
— Двадцать рублей серебром — это что? Сколько рыбы? Сколько работы?

Агафья моргнула, явно не ожидая такого вопроса. Она задумалась на секунду, потом медленно ответила:

— Двадцать серебром это — Она сосчитала на пальцах. — Это десять бочек солёного леща. Может, чуть больше. Хороший годовой улов.

Я кивнул, записывая эту информацию в уме, как цифру в таблице.

«Эквивалент установлен. Двадцать рублей серебром равны годовому доходу семьи рыбака. Огромная сумма для бедной семьи. Неоплатная».

Я снова посмотрел на бумагу, перечитывая текст — медленно, вдумчиво.

«Сим напоминаю о возврате долга под заклад имущества по истечении коего имущество подлежит изъятию»

«Касьян не ожидал, что мы вернём долг, — понял я. — Он изначально шёл за имуществом. Убийство было просто подготовкой. Если наследник мёртв, никто не сможет оспорить изъятие. Чистая сделка».

Но я не был мёртв.

Я опустил бумагу на стол и посмотрел на Агафью.

— Мама, наша лодка «Стерлядка» — сколько она стоит?

Агафья вздрогнула, будто я ударил её.

— Что?

— Если продать её. Быстро. Сегодня. Сколько за неё дадут?

Агафья смотрела на меня так, словно я предложил продать собственную мать.

— Миронушка ты ты что?! Продать лодку?! Это это всё, что у нас есть! Без лодки мы

— Сколько? — повторил я жёстче.

Она сглотнула, отвела взгляд, думала.

— Может может пять серебром дадут, — прошептала она. — Ну, семь, если очень повезёт. Если найдётся покупатель, который срочно нуждается в лодке. Но кто сейчас купит? В такой спешке?

Семь рублей. Максимум.

Я сделал быстрый расчёт в уме — так же автоматически, как считал маржу на закупках в офисе.

Долг — двадцать серебром.

Цена лодки — семь серебром.

Нехватка — тринадцать серебром.

«Продажа лодки не решает проблему. Она покрывает треть долга. Мне всё равно нужно найти ещё тринадцать серебра. И без лодки я неспособен их заработать».

Тупик. Ложный путь.

Я отошёл от стола и подошёл к окну. За мутным пузырьём виднелся туман, стелющийся над деревней. Солнце уже поднималось — небо светлело.

«До заката осталось двенадцать часов, может, чуть меньше. Продажа лодки — тупик. Средства уничтожены. Денег нет. Касьян обобрал нас заранее».

«Задача: найти двадцать серебра за двенадцать часов. Невыполнимая? Нет. Просто очень сложная».

— Веди меня к причалу, — сказал я. — Мне нужно посмотреть на лодку.

Агафья молча кивнула и повела меня к двери.

Тропа вывела нас к реке.

И я увидел её.

Река раскинулась передо мной — широкая, тёмная, спокойная в утреннем свете. Туман ещё не рассеялся полностью, стелясь над водой белым одеялом. Противоположный берег терялся в дымке. Вода была почти чёрной, с серебристыми бликами, там, где пробивался первый солнечный свет.

Красиво. Безмятежно. Опасно.

Я помнил эту реку. Помнил, как она пыталась меня убить несколько часов назад.

Вдоль берега тянулись причалы — небольшие деревянные настилы, врытые в ил, с привязанными лодками. Я насчитал с десяток — у каждой семьи рыбаков был свой причал.

Агафья повела меня к одному из них — самому большому, покосившемуся, на краю.

И там, привязанная к столбу верёвкой, качалась на воде лодка.

Маленькая. Узкая. Из досок, сколоченных вручную, уже потемневших от времени и воды. Нос острый, корма приподнятая. На борту — выжженное клеймом имя: «Стерлядка».

Наша лодка. Лодка Мирона. Лодка его отца.

Память Мирона кольнула — острая, болезненная. Я видел эту лодку глазами мальчишки, который учился грести, ловил первую рыбу, сидел рядом с отцом и слушал его рассказы.

Но это была не моя память. Это была чужая жизнь.

Я подошёл к краю причала и присел, осматривая лодку.

Она была в неплохом состоянии — старая, потрёпанная, но крепкая. Доски целые, швы проконопачены, вёсла лежат на дне. Никаких дыр, никаких течей.

«Это актив. Единственный работающий актив. С ней я могу ловить рыбу. Без неё — ничего».

Я встал, оттолкнувшись от борта лодки.

— У нас есть ещё что-то? Кроме лодки и того хлама в сарае?

Агафья покачала головой.

— Нет.

Коротко. Безнадёжно.

Я стиснул зубы, подавляя вспышку ярости.

Я снова посмотрел на реку, на туман, на воду.

«Двадцать рублей. Двенадцать часов. Лодка цела, но снастей нет. Что я могу сделать?»

И тут до меня дошло.

«Я не могу заработать двадцать рублей рыбалкой за двенадцать часов. Это невозможно. Даже с лучшими снастями, даже с Даром, даже с невероятной удачей — это нереально».

Значит, нужен другой путь.

Но какой?

Я обернулся к Агафье.

— Касьян. Когда он приходил с этой бумагой он что-то ещё говорил? Кроме срока?

Агафья задумалась, хмурясь.

— Он он сказал, что завтра вечером придёт с людьми. С приказом старосты. Заберёт дом, лодку, причал всё. Он сказал — Она запнулась, вспоминая. — Он сказал, что у нас нет выхода. Что серебра у нас не будет никогда.

— Он был уверен?

— Да. Очень уверен. Он он даже усмехался.

Усмехался.

«Он думал, что я мёртв. Он думал, что мать одна не сможет ничего сделать. Он думал, что победил».

Но я был жив.

И у меня было преимущество: он не знал об этом.

Идея начала формироваться в моей голове — размытая, рискованная, но единственная, которая имела смысл.

«Если я не могу заработать двадцать серебра, может быть, я смогу их достать».
Я посмотрел на Агафью.

— Мама, Касьян — где он живёт?

Агафья вздрогнула.

— Зачем тебе?

— Просто скажи. Где?

Она неуверенно указала в сторону деревни.

— В доме приказчика. Большой дом в центре Слободы. Рядом с торгом.

Большой дом. Центр Слободы.

«Там, где деньги. Там, где моё серебро, которое он уже считает своим».

Я кивнул, записывая информацию.

— Хорошо. Пойдём обратно в дом. Мне нужно подумать.

Агафья посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом — так же, как утром, когда я вернулся домой. В её глазах были беспокойство и непонимание.

Но она не спросила. Просто кивнула и повернулась к тропе.

Я последовал за ней, бросив последний взгляд на «Стерлядку», качающуюся на тёмной воде.

«Двенадцать часов. Двадцать рублей серебром. Один шанс».

Игра только начиналась.

Мы почти дошли до избы, когда меня осенило.

Я остановился посреди тропы так резко, что Агафья чуть не налетела на меня.

— Миронушка, что

Я не ответил. Мысль пронзила меня, как удар молнии.

«Касьян думает, что я мёртв. Он принёс требование вчера вечером. Сегодня — последний день. Он уверен, что мать одна не заплатит».

«Значит, он уже идёт за имуществом».

«Не вечером. Не к закату. Прямо сейчас. Зачем ждать? Если наследник мёртв, кто ему помешает?»

Лодка. Он идёт за лодкой.

Я развернулся и побежал обратно к реке.

— Миронушка! — закричала Агафья позади меня. — Куда ты?!

— Он уже там! — крикнул я через плечо, не останавливаясь. — Он забирает нашу лодку!

Я бежал по тропе, перепрыгивая через корни, скользя на мокрой земле, игнорируя боль в ногах и головокружение. Сердце колотилось в груди. Дыхание рвалось.

«Только не лодка. Только не это! Без неё я ничего не смогу».

Тропа вывела меня обратно к реке.

Я выскочил на берег и увидел —

Они.

У нашего причала, самого крайнего, самого покосившегося, стояли два человека.

Один был молодым — лет восемнадцати, со светлыми волосами, перехваченными кожаным шнурком, в добротной шерстяной рубахе и кожаных сапогах. Лицо наглое, красивое, с кривой усмешкой, которую я узнал бы где угодно.

Касьян Авинов.

Второй был старше — мужик лет сорока, коренастый, с бородой лопатой, в грубом кафтане. Он держал весло и явно выполнял приказы Касьяна.

И они отвязывали «Стерлядку».

Верёвка уже была наполовину развязана. Касьян держал борт лодки, готовясь оттолкнуть её от причала.

Они забирали мою лодку. Прямо сейчас. На рассвете.

«Я успел».

Я шагнул на причал — тяжело, чтобы доски скрипнули под моим весом.

Оба мужика замерли.

Я сделал ещё шаг, выходя из тени кустов, и остановился на краю причала, глядя на них.

— Стой, — сказал я. Голос был хриплым от бега, но твёрдым. — Это моя лодка.

Касьян медленно обернулся.

И я увидел, как его лицо изменилось.

Сначала недоумение. Потом — узнавание. Потом — шок.

Он отпустил борт лодки. Отшатнулся на шаг. Губы приоткрылись, но звука не вышло.

— Т-ты — выдавил он наконец.

Его глаза были широко раскрыты. В них было не просто удивление. Это был ужас.

Он видел призрак.

Второй мужик — «Касьянов человек» — оглянулся через плечо, посмотрел на меня и застыл. Весло выпало из его рук, с грохотом упав на дно лодки.

— Господи Иисусе — прошептал он и, не отрывая взгляда от меня, перекрестился. Один раз. Второй. Третий.

Потом его ноги подкосились, и он рухнул на колени прямо в лодке, продолжая креститься и бормотать молитву.

— Упырь! Заложный! Господи, помилуй!

«Они думают, что я утопленник, который вернулся из мёртвых».

Идея пришла мгновенно, инстинктивно.

«Хорошо. Пусть думают».

Я сделал ещё шаг вперёд — медленно, неспешно, как будто плыл по воздуху. Посмотрел на Касьяна пустым взглядом.

— Оставь лодку, — сказал я тише, спокойнее, чем раньше. Голос почти без эмоций. — Верни её на место.

Касьян стоял, как вкопанный, глядя на меня. Его руки дрожали. Лицо побелело.

Я сделал ещё шаг.

— По долгам моё время не закончилось. А ты уже имущество моё забираешь?

Касьян сглотнул. Губы шевелились, но слов не было. Он смотрел на меня так, словно видел нечто невозможное, нечто, что разрушало весь его мир.

Я просто стоял и смотрел. Не моргая. Не двигаясь.

«Дай ему время. Пусть ужас делает своё дело».

Наконец Касьян дёрнулся, как будто очнулся. Его дрожащие руки разжались, отпуская борт «Стерлядки». Лодка, подчиняясь течению и верёвке, которая всё ещё была наполовину привязана к столбу, медленно развернулась и прижалась обратно к причалу, мягко ударившись о деревянный настил.

Касьян отступил на шаг. Потом ещё на один. Не отрывая взгляда от меня.

— Ты ты не — начал он, но голос сорвался.

Я не ответил. Просто смотрел.

«Касьянов человек» уже карабкался из лодки, переваливаясь через борт, шлёпаясь в воду по колёно. Он выбрался на берег, всё ещё крестясь, и попятился, глядя на меня с диким ужасом.

— Пойдём, барин! Пойдём отсюда! Это не место это не

Касьян дёрнулся, оторвал взгляд от меня и, спотыкаясь, развернулся. Он не бежал — он бросился прочь, таща за собой своего человека, который продолжал креститься и бормотать молитвы.

Я стоял на причале, глядя вслед убегающим Касьяну и его человеку, и чувствовал, как адреналин медленно отступает, оставляя после себя слабость и дрожь в руках.

«Он побежал проверять. У меня есть несколько минут. Не больше».

Я обернулся к «Стерлядке», мирно покачивающейся у причала.

Лодка была цела. Это была маленькая победа.

Но мне нужно было больше, чем лодка. Мне нужно было серебро. Двадцать серебра. За десять часов.

Туман начинал рассеиваться. Солнце поднималось выше, бросая длинные тени на воду. Река была спокойной здесь, у берега, но я знал, что дальше, ближе к середине, течение было сильным.

И я услышал звук.

Глухой, протяжный, доносящийся откуда-то с воды.

Рожок. Кто-то трубил в рожок — длинный, басовитый звук, который разносился над рекой.

Я прищурился, всматриваясь вдаль.

Там, вверх по течению, за лёгкой дымкой тумана, я увидел силуэты.

Большая ладья. Мачта торчала из воды, покачиваясь. Ладья стояла на якоре — неподвижная, застрявшая.

Рядом с ней — две маленькие лодки.

А на берегу, у косы — толпа. Человек десять, может, больше. Они стояли, размахивали руками, кричали что-то.

Слов я не разобрал — слишком далеко. Но голоса были громкими, напряжёнными.

«Что там? Ладья села на мель? Почему стоят?»

Память Мирона подсказывала: «Пережат Чёртов недалеко. Там опасное место. Ладьи часто застревают».

«Там явно какая-то проблема».

И вместе с этой мыслью пришла другая — расчётливая.

«А где проблема, там может быть работа. А где купцы — там деньги».

Я посмотрел на «Стерлядку», потом обратно на толпу.

«Касьян вернётся через несколько минут. Он проверит избу, поймёт, что я жив, и вернётся сюда в ярости. Он приведёт людей. Может быть, стражников. Сидеть здесь — смерть».

«Но если я пойду туда»

Идея начала формироваться — размытая, рискованная, но единственная.

«Если там проблема с проходом через Пережат, может быть, мне заплатят за помощь. Может быть, я смогу заработать хоть что-то».

Я быстро пошёл вдоль берега, к толпе, обходя причалы и кусты. Нож за поясом покалывал бок при каждом шаге.

Голоса становились чётче с каждым шагом.

Я услышал крик — громкий, гневный:

— сорок серебром! За один проход?! Да твой Касьян Авинов совсем взбесился! Это грабёж! Мой товар сгниёт здесь!

Я замер за кустом, прислушиваясь.

Другой голос — спокойный, бесстрастный:

— Таков указ приказчика Авинова. Пережат Чёртов — собственность Авиновых. Проход платный. Сорок серебром за ладью с грузом. Не нравится — ждите.

Сорок серебром.

Слова ударили меня, как молния.

«Сорок серебром это вдвое больше моего долга. За один проход!»

Я выглянул из-за куста и увидел их.

Толпа стояла на косе у причала. Купцы в добротных кафтанах. Артельщики в грубых рубахах. Человек в чёрном с посохом — явно чиновник, «мытник Авиновых».

И бородатый купец в красном кафтане, который размахивал руками и орал на мытника.

Я посмотрел на ладью, застрявшую на якоре.

Потом обратно на толпу.

«Касьян держит здесь золотую жилу. Он контролирует проход. Берёт сорок серебром за ладью. Монополия».

И в моей голове щёлкнуло.

«А что, если что, если предложить меньше? Скажем двадцать?»

Идея была безумной. Рискованной. Но единственной.

«Я прошёл этот Перекат ночью. В дырявой лодке. И выжил. Я знаю этот Перекат».

«Двадцать серебром. Ровно столько, сколько нужно для долга».

Я вышел из-за куста и начал идти к толпе. Прямо. Уверенно. Как будто знал, что делаю.

Краем глаза я заметил, как со стороны деревни к причалу бежит Касьян.

Глава 5

Я вышел из-за кустов и начал идти к толпе — медленно, спокойно, как будто точно знал, что делаю.

Голоса становились чётче с каждым шагом.

— ...третий день тут торчим! — орал кто-то молодой, с артельным акцентом. — Лоцманский ботник струя унесла! На ладье в разведку не полезут — товар затопит, если сядет!

— Таков указ Авиновых, — отвечал мытник. — Или плати, или жди.

— Ждать?! До когда?! Пока товар сгниёт?!

Я подошёл ближе и остановился на краю толпы, изучая ситуацию.

Купец в красном кафтане стоял с руками на бёдрах, глядя на застрявшую ладью с выражением отчаяния. Рядом с ним — мужик лет пятидесяти, коренастый, с седой бородой и глазами моряка. Кормчий. Тот, кто отвечает за управление судном.

Артельщики толпились вокруг — человек шесть, грязные, уставшие, явно те, кто пытался столкнуть ладью с мели.

Мытник стоял чуть в стороне, опираясь на посох, с надменным видом чиновника, который знает, что закон на его стороне.

А дальше, на воде, покачивалась ладья. Большая, тяжёлая, с высокими бортами. Она сидела на мели носом, накренившись набок. Груз был виден сквозь щели палубы — тюки ткани, бочки, ящики.

Я прислушался к разговору, стараясь не привлекать внимания.

— Там под елью, у берега — «масло», — сказал я вслух, достаточно громко, чтобы все услышали.

Головы повернулись в мою сторону.

Кормчий прищурился, оглядывая меня с ног до головы — подростка в грубой рубахе, босого, с ножом за поясом.

— Парень, — сказал он медленно, с недоверием. — Ты откуда знаешь? Там камень — «зубец» Чёртов. Любой лоцман скажет.

Я ответил не сразу. Просто подошёл к воде, присел на корточки и зачерпнул горсть щепок, плавающих у берега. Бросил их в воду, чуть выше по течению.

Щепки поплыли. Не прямо вниз, а по диагонали — к левому берегу, к месту, где росла старая ель с наклонённым стволом.

Я показал на них.

— Видите? Колея тянет к ели, не к мысу. «Зубец» можно обойти слева. Глубина там есть.

Кормчий встал рядом со мной, глядя на щепки. Его глаза сузились — не в недоверии, а в концентрации. Он изучал воду, как я изучал бы эхолот.

— Мальчик, — сказал он тише, обращаясь теперь ко мне. — Ты воду читаешь?

Я кивнул.

— Читаю.

Купец подошёл ближе, скрестив руки на груди.

— И что ты предлагаешь, малец?

Я встал, отряхнул руки от щепок и посмотрел ему в глаза.

— Я могу провести вашу ладью. Сегодня. До заката.

Купец фыркнул.

— Ты?! Касьян берёт сорок серебром! А ты сколько хочешь?

— Двадцать серебром, — ответил я спокойно. — Оплата после прохода. Если ладья цела.

Купец покачал головой.

— Ты утопишь мою ладью! Риск слишком большой! У меня там товар на две сотни серебром!

Я не стал спорить. Просто повернулся к кормчему.

— Я не поведу ладью сам, — сказал я. — Я размечу колею. Я пройду на своей лодке впереди. Поставлю буи. Вы пойдёте следом на вашей шлюпке и сами проверите промеры вашим лотом. Пока ладья на якоре — риска нет.

Кормчий смотрел на меня долгим взглядом. Потом повернулся к купцу.

— Хозяин, своя шлюпка у нас есть. Лоцманскую унесло струёй. Пацан воду читает. Мы проверим сперва на шлюпке. Если он врёт — мы ничего не теряем.

Купец задумался, глядя на солнце, которое уже поднялось высоко над деревьями.

— Хорошо, парень, — сказал он наконец. — Двадцать — после прохода. Но я не буду ждать весь день. Я даю тебе... — Он посмотрел на солнце ещё раз. — Я даю тебе срок до полудня! Если к полудню твои буи не будут стоять и кормчий не скажет «да» — я плачу Авинову его сорок!

Полдень. Я быстро прикинул: сейчас утро, около восьми или девяти. До полудня оставалось три, может, четыре часа.

Три часа на то, чтобы сделать инструменты, разметить колею, поставить буи и получить одобрение кормчего.

Мало. Очень мало.

Но другого шанса не будет.

— Идёт, — сказал я и протянул руку купцу.

Он пожал её — крепко, по-купечески.

— Смотри, парень. Если утопишь мою ладью, будешь мне должен пятьсот серебром. Товар — двести, ладья — триста. А если проведёшь — получишь свои двадцать. Честно?

— Честно.

Купец кивнул и отпустил мою руку.

— Тогда за дело. Время идёт.

Я развернулся и побежал обратно по берегу, к своему причалу.

«Контракт заключён. Двадцать серебром. До полудня — разметка и допуск от кормчего. Потом проводка. Если всё чисто — деньги к третьему часу. Успеваю принести Касьяну до заката».

Но сначала мне нужны были инструменты.

Шест. Буи. Линь.

У меня был только нож.

И три часа.

Я добежал до своего причала, тяжело дыша, и остановился, оглядывая «Стерлядку».

Лодка была цела. Вёсла лежали на дне — два старых, потемневших весла.

«Хорошо. Хотя бы это».

Мне нужен был полный набор лоцманских инструментов.

Я заставил себя успокоиться, сделал глубокий вдох и начал думать методично, раскладывая сложную задачу на этапы.

«Итак. Мне нужно:

1. Замер глубины — шест с метками.

2. Разметка канала — буи.

3. Проверка дна у камня — линь с кошкой».

Я огляделся, оценивая ресурсы.

Сарай — пустой, за исключением гнилого бредня и мусора.

Соседние причалы — заброшенные, покосившиеся.

Берег — камыш, коряги, плавник.

«Крафт. Нужно собирать и делать».

Я начал быстро, но методично.

Шест.

Первым делом — шест для замера глубины.

Я пошёл вдоль берега, высматривая подходящую жердь. Нашёл её быстро — длинный прямой кол, застрявший между камнями. Метра четыре в длину, толщиной с руку, ещё не совсем прогнивший.

Я вытащил его, отряхнул от ила и понёс к причалу.

Сел на корточки, достал нож и начал вырезать зарубки — через каждый локоть. Одна зарубка — один локоть глубины. Так я смогу быстро считать промеры.

Пальцы двигались автоматически. Я помнил, как это делается, — опыт Глеба, который работал с инструментами на рыбалке, настраивал снасти, ремонтировал лодку.

Десять минут — шест готов.

Буи.

Дальше — буи для разметки канала.

Я вернулся к зарослям камыша у берега и начал срезать стебли. Камыш был сухим, лёгким, хорошо плавал. Я собрал целую охапку, принёс к причалу.

Достал из сарая гнилой бредень. Сеть была никуда не годной для ловли — дыры, гнилые нити. Но отдельные пряди были ещё крепкими.

Я начал отрезать крепкие пряди и связывать из них пучки камыша. Каждый пучок — размером с кулак, туго стянутый.

Один буй. Второй. Третий.

Я делал их быстро, не думая, просто работая руками.

Пять бுவ. Этого должно хватить для разметки основных точек колеи.

Линь.

Дальше — мерный линь для проверки дна у камня.

Я вернулся к остаткам бредня и начал выбирать самые длинные и крепкие верёвки.

Свил длинный линь — метров пятнадцать, размечая его узлами через каждый локоть, как на шесте.

К концу лinya привязал старый железный крюк, найденный в сарае, — импровизированная кошка для проверки дна.

Весло.

Я посмотрел на «Стерлядку». Вёсла были там, но...

«Ножом весло не сделать. А если что-то сломается?»

Память подсказала: соседний причал. Заброшенный. Там должно что-то быть.

Я быстро пошёл к соседнему причалу — покосившемуся, наполовину ушедшему в воду. Заглянул под настил.

И увидел.

Старое весло, застрявшее в иле. Треснувшее посередине, но ещё целое.

Я зашёл в воду по колено, схватил весло и потянул. Ил не хотел отпускать. Я дёрнул сильнее, упираясь ногами, и весло выскочило с громким чавканьем.

Я поднял его, осмотрел. Трещина была глубокой, но весло держалось. Годится как запасное.

Я принёс его обратно, бросил в лодку. Сел на причал, вытирая пот со лба, и посмотрел на собранные инструменты.

Шест с метками. Пять бுவ. Мерный линь с кошкой. Два весла. Нож.

«Полный набор базовых инструментов лоцмана. Сделано за... сколько? Час? Может, чуть больше».

Я посмотрел на солнце. Оно поднялось выше — близилось к полудню.

«Осталось два часа. Может, чуть больше. Нужно идти».

Я встал, забросил инструменты в лодку, прыгнул следом, схватил вёсла и оттолкнулся от причала.

Пора размечать колею.

Я греб вдоль левого берега, держась подальше от стремнины, работая вёслами ровно и методично.

Вода здесь была спокойной, но я видел, как она меняется дальше — ближе к Перекату. Гул нарастал. Течение усиливалось. Впереди виднелись белые буруны, где вода билась о камни.

Я проплыл мимо толпы на берегу. Купец и кормчий стояли там, наблюдая. Я не стал махать рукой. Просто греб дальше.

«Читай воду. Ищи колею».

Я начал анализировать поверхность реки — так же, как Глеб анализировал эхолот на турнире.

Швы — линии, где встречаются два течения. Там глубина меняется.

Языки — гладкие полосы воды, которые показывают быстрину.

Масло — тихая, маслянистая вода. Там глубоко или есть обратное течение.

Я видел шов впереди — диагональную линию, тянущуюся к левому берегу. Вдоль шва шло «масло».

«Колея. Там проход».

Я подрёб ближе, взял шест и начал замерять глубину.

Опустил шест в воду, почувствовал, как он упёрся в дно. Посчитал зарубки.

— Два локтя, — прошептал я вслух.

Ещё один промер.

— Три локтя.

Ещё.

— Два с половиной.

«Глубина достаточная. Ладья пройдёт».

Я медленно продвигался вдоль колеи, замеряя каждые несколько метров, записывая в памяти: «Два... три... два с половиной... три...»

И вдруг — тук!

Шест ударился во что-то твёрдое.

Я замер.

«Камень».

Я опустил шест чуть левее. Свободно. Чуть правее. Снова тук.

«Зубец. Вот он. Здесь, под водой, невидимый с поверхности. Острый, смертельный».

Но память Мирона подсказывала: между камнем и берегом должен быть проход.

Я достал мерный линь с кошкой, раскрутил и бросил в воду с левой стороны от камня.

Линь натянулся. Кошка зацепилась за дно.

Я начал медленно подтягивать линь, проводя кошкой по дну, чувствуя каждый выступ, каждую неровность.

Камни. Ещё камни. Грязь. Камни.

И вдруг — чисто!

Линь пошёл свободно. Я провёл кошкой метр, два, три. Чисто.

«Проход есть! Узкий, но чистый. Между «зубцом» и берегом».

Я поднял линь, свернул его и положил в лодку.

«Теперь — разметка».

Я греб обратно к началу колеи, к месту, где она отходила от основного течения.

Взял первый буй — пучок камыша, привязанный к камню на верёвке — и бросил в воду.

Буй всплыл, закачался на волнах. Верёвка натянулась, камень лёг на дно. Буй держался на месте.

«Первая метка».

Я погрёб дальше, замеряя шестом, и поставил второй буй. Потом третий. Четвёртый. Пятый.

Колея была размечена.

Я огляделся. С берега кто-то кричал.

Кормчий. Он спустил шлюпку и греб ко мне, держа в руках лот — длинную верёвку с грузом для замера глубины.

Я подождал, пока он подплывёт.

— Проверяй, — сказал я, указывая на буй.

Кормчий кивнул, не говоря ни слова. Он подгрёб к первому бую, опустил лот в воду и начал замерять.

— Три сажени! — крикнул он в сторону берега.

Толпа одобрительно загудела.

Кормчий подплыл ко второму бую.

— Две с половиной!

К третьему.

— Три!

К четвёртому, у самого «зубца».

— Два! Верно!

Он поднял лот, посмотрел на меня и медленно кивнул.

— Чисто, парень. Ты не врал. Колея есть.

Я выдохнул. Не заметил, что задерживал дыхание.

— Осталось подготовить ладью, — сказал я. — Нужен кол на берегу для шпринга. И кедж ниже по течению.

Кормчий кивнул.

— Это мы сами сделаем. Ты своё дело сделал. Иди к купцу. Он ждёт.

Я погрёб обратно к берегу.

Купец стоял на косе, скрестив руки на груди, с выражением удивления на лице.

— Ну, парень, — сказал он, когда я причалил. — Кормчий говорит — чисто. Я не верил, но... ты справился.

Я вылез из лодки, вытащил её на берег.

— Колея размечена. Промеры подтверждены. Готов вести ладью, как договорились.

Купец посмотрел на солнце. Оно было почти в зените.

— До полудня ты уложился. Хорошо. Теперь — проводка. Когда начнём?

— Как только ваши люди подготовят ладью. Шпринг, кедж, всё, как я сказал кормчему.

Купец кивнул.

— Хорошо. Мои люди уже начали. Часа через два будем готовы.

Я кивнул и сел на песок, облокотившись на борт лодки. Усталость наваливалась свинцовой тяжестью. Я не спал всю ночь. Почти утонул. Прошёл пережат. Сбежал от Касьяна. Сделал инструменты. Разметил колею.

Тело требовало отдыха.

Но я не мог позволить себе расслабиться.

Потому что услышал крик:

— СТОЯТЬ!

Я поднял голову и увидел его.

Касьян.

Он бежал по берегу к нам — красный от ярости, запыхавшийся, с разлетающимися светлыми волосами. Позади него — двое мужиков, видимо, его люди.

Он добежал до толпы и остановился, тяжело дыша, глядя на меня так, словно хотел убить на месте.

— Что тут происходит?! — выдохнул он.

Мытник, который всё это время молча стоял в стороне, пожал плечами.

— Парень ладью ведёт. За двадцать серебра.

Касьян повернулся ко мне. В его глазах был чистый, неподдельный ужас, смешанный с яростью.

— Ты?! — Он увидел буи, размеченную колею, шпринг на берегу. — Ты... ты что творишь?!

Он развернулся к купцу.

— ЧТО?! ОН ЖЕ ПОГУБИТ ЛАДЬЮ! Да он в жизни лотом не пользовался! Он... он утопленник, только с того света!

Купец посмотрел на Касьяна холодно.

— Ошибаешься, приказчик.

Кормчий, который как раз вернулся от ладьи, подошёл ближе и встал рядом со мной.

— Парень только что промерил всю колею, — сказал он спокойно. — Точно, как по писаному. Я сам проверял каждый буй. Мы идём с ним.

Купец кивнул.

— А ты, малец, иди отсюда. Ты просил сорок и ждешь. А он берёт двадцать и сейчас. Я свой выбор сделал.

Касьян стоял, открыв рот, не веря в то, что слышит.

Его авторитет — монополия на Перекат, власть над торговым путём — рушился прямо на его глазах. При всех.

Он медленно повернулся ко мне.

В его глазах была ненависть. Чистая, абсолютная ненависть.

— Ты... — прошептал он тихо, так тихо, что слышал только я. — Ты пожалеешь об этом. Как только твоя ладья сядет на «зубец»... я лично столкну тебя в воду.

Я встретил его взгляд — спокойно, без вызова, но твёрдо.

— Ладья не сядет.

Касьян сжал кулаки так сильно, что костяшки побелели.

Потом развернулся и пошёл прочь, не оглядываясь. Его люди поспешили за ним.

Но я видел, как он остановился у края поляны и сел на камень, скрестив руки.

«Он не уйдёт. Он будет смотреть. Он ждёт моей ошибки».

Глава 6

Касьян сидел на камне у края поляны, скрестив руки на груди, и смотрел на меня.

Не отводил взгляда. Просто смотрел — холодно, выжидающе, как хищник, который знает, что жертва рано или поздно совершит ошибку.

Я видел его боковым зрением, но не поворачивался. Не давал ему удовольствия знать, что я его заметил.

Гул Переката наполнял воздух — низкий, непрерывный, угрожающий. Вода билась о камни где-то впереди, невидимая за поворотом реки, но слышимая, осязаемая.

Толпа на берегу притихла. Купец нервно теребил бороду. Артельщики переговаривались вполголоса. Кормчий стоял у шлюпки, проверяя снасти, готовясь к проводке.

Все ждали.

Я подошёл к кормчему, игнорируя всех остальных.

— Готов? — спросил я тихо.

Кормчий поднял голову, оглядел меня внимательно — оценивающе, как опытный мастер оценивает подмастерье перед важной работой. В его глазах было уважение, которого не было раньше. Он видел мою разметку. Он проверял мои промеры. Он знал, что я не врал.

— Готов, — ответил он коротко. — Ты?

— Готов. Слушай внимательно.

Я говорил тихо, чётко, как Глеб-Логист на деловой встрече, когда каждое слово имело значение. Когда ошибка могла стоить сделки. Или жизни.

— Я иду первым на «Стерлядке». Ставлю лодку над «зубцом», чтобы ты видел меня. Ты идёшь за мной на ладье. Держи два корпуса расстояния. Не ближе. Не дальше. Смотри на меня. Я покажу знаками, когда тормозить, когда идти.

Кормчий кивнул — один раз, коротко, по-военному.

— Два корпуса. Понял.

Хорошо. Он понял. Он профессионал.

Я повернулся к купцу, который стоял рядом, вытирая пот со лба, хотя утро было прохладным.

— Твои люди, — я кивнул на артельщиков, которые возились у ладьи, готовя канаты, — на шпринге и на кедже. Шпринг — это береговой канат, привязанный к носу ладьи. Кедж — малый якорь, заброшенный ниже по течению. Они знают, что делать?

Купец кивнул неуверенно.

— Они они знают. Мы готовили. Но парень, а если

— Слушай дальше, — перебил я, не давая ему закончить сомнение. — По моему знаку — я подниму руку вот так, — я поднял правую руку над головой, держа её там несколько секунд, чтобы все запомнили жест, — твои люди травят шпрингу. Это значит — ослабляют канат. Одновременно выбирают кедж. Это значит — тянут якорный канат. Ладья начнёт разворачиваться. Это нормально. Это нужно. Не пугайся. Понял?

Купец сглотнул, но кивнул.

— Понял. Ты — командир. Мы слушаем.

«Я взял командование. Они слушают меня».

Микронаграда — момент власти, момент, когда опытный кормчий и богатый купец доверяют подростку, потому что он доказал компетентность.

Я обернулся к ладье.

Она стояла на якоре в спокойной воде перед Перекатом — огромная, тяжёлая, с высокими бортами и низкой мачтой. Груз был виден сквозь щели палубы — тюки ткани, аккуратно уложенные, перевязанные верёвками. Пятьсот серебрям. Целое состояние.

Если я ошибусь — эти пятьсот превратятся в щепки и тряпки на дне реки. А я стану должником на всю жизнь.

«Не ошибусь».

Я посмотрел на солнце. Оно уже поднялось высоко — близилось к полудню. У меня был запас времени до заката, но каждая минута на счету.

— Тогда начинаем, — сказал я. — Сейчас.

Купец кивнул и побежал к своим людям, отдавая последние команды.

Кормчий направился к ладье, где его ждала команда.

Я остался стоять на берегу, глядя на Перекат.

Где-то за спиной я слышал голос Касьяна — тихий, издевательский, обращённый к кому-то из толпы:

— Посмотрим. Сейчас посмотрим, как этот упырь утопит ладью.

Я не обернулся. Просто пошёл к «Стерлядке», привязанной у берега.

Прыгнул в лодку. Взял весло. Отвязал верёвку.

Оттолкнулся от берега.

Пора начинать.

Я греб медленно, методично, одним веслом — найденным, треснувшим, но ещё крепким. Каждый гребок отдавался в плечах, в спине, в руках, которые всё ещё помнили боль от ободранных запястий.

Вода здесь, у входа в колею, была ещё относительно спокойной — тёмной, маслянистой, с лёгкой рябью на поверхности. Но я чувствовал, как она меняется с каждым гребком. Течение усиливалось, становилось настойчивее, тянуло лодку вперёд, как невидимая рука.

Гул Переката нарастал — низкий, непрерывный, угрожающий. Не громкий пока, но присутствующий, как фоновый шум, который невозможно игнорировать. Это был голос реки. Предупреждение.

Я вошёл в колею — туда, где стояли мои буи, покачиваясь на волнах, как маяки на пути.

Первый буй. Пучок камыша, привязанный верёвкой к камню на дне. Я проплыл мимо него, держа курс точно по линии. «Стерлядка» послушно скользила по воде, лёгкая, манёвренная, отзывающаяся на малейшее движение весла.

Второй буй.

Третий.

Колея была узкой — метров десять в ширину, не больше. Слева — отмель, где вода светлела, становясь почти прозрачной над камнями. Справа — быстрина, где течение темнело, ускорялось, уходило в глубину с пугающей силой. Ошибка в любую сторону — и «Стерлядку» вынесет из безопасной зоны. Меня это не пугало — я мог справиться с маленькой лодкой.

Но ладья

Я оглянулся через плечо.

Ладья двинулась следом.

Огромная. Тяжёлая. Высокие борта возвышались над водой, как стена деревянной крепости. Мачта торчала вверх, покачиваясь. Грузеная тюками, бочками, ящиками — всё это было видно сквозь щели палубы.

Кормчий стоял у руля — большого весла на корме — и держал курс точно за мной, как я велел. Два корпуса расстояния. Не ближе, не дальше.

Артельщики стояли по бортам, держась за канаты, готовые выполнять команды.

На берегу, слева, я видел толпу. Купец, мытник, артельщики, которые не поместились на ладье. И Касьян — стоящий чуть поодаль, скрестив руки, наблюдающий.

Я вернулся к гребле, фокусируясь на створе.

Ель на левом берегу — старая, с искривлённым стволом, наклонившаяся над водой. Скол на валуне на правом берегу — белый, как шрам на сером камне.

Пока ель и скол совпадают в одной линии при взгляде с лодки — я на правильном курсе. Это основа лоцманства — створы. Простые, древние, надёжные. Не нужно карт, не нужно приборов. Только глаза и знание реки.

Я держал створ, проверяя каждые несколько секунд: ель — скол, ель — скол. Прямая линия. Всё верно.

Вода стала быстрее. Я чувствовал это не только по скорости лодки, но и по звуку. Плеск волн о борт стал резче, громче. Течение било в борт «Стерлядки», пытаясь развернуть лодку боком, сорвать с курса. Я греб сильнее, компенсируя снос, работая веслом как рулём, упираясь, толкая воду с удвоенной силой.

Уключин не было — весло просто лежало на борту, и я удерживал его только силой рук, прижимая к дереву локтем. Неудобно. Неэффективно. Трещина в середине весла поскрипывала при каждом гребке, угрожая сломаться. Но пока держалась. Пока работало.

Мышцы плеч горели. Ладони болели. Но я продолжал грести.

Гул нарастал. Белые буруны появились впереди — вода билась о подводные камни, пенилась, брызгала, создавая облака мелких капель, которые переливались в утреннем солнце.

Я прошёл четвёртый буй.

И тут почувствовал, как течение изменилось.

S-поворот. Колея здесь делала изгиб — сначала влево, потом вправо, огибая две отмели. Течение усложнялось, становилось непредсказуемым, толкало лодку то в одну, то в другую сторону.

Я справлялся. «Стерлядка» была лёгкой, манёвренной. Я чувствовал каждый толчок воды, каждое изменение курса, и реагировал мгновенно.

Но ладья

Ладья была тяжёлой. Инертной. Она не могла быстро менять курс.

Я оглянулся.

Ладью начало сносить влево — к отмели, где вода была мелкой, где камни торчали из воды, как зубы хищника.

Медленно. Почти незаметно сначала. Но неотвратно.

Нос ладьи, который шёл точно по моему следу, начал отклоняться — сначала на полметра, потом на метр, на два. Течение S-поворота делало своё дело, толкая тяжёлое судно туда, где оно не должно было быть.

— Нас сносит! Влево! — закричал кормчий, и в его голосе я услышал не просто напряжение, а настоящую панику. Голос опытного моряка, который видел смерть и знал её лицо.

Я видел, что он делает: его руки напряглись на рукояти руля, плечи подались вперёд. Он давил на руль изо всех сил, пытаясь развернуть ладью обратно вправо, заставить её слушаться, бороться с течением.

Это была ошибка. Классическая ошибка неопытного лоцмана, который забыл главное правило: река всегда сильнее. Нельзя бороться с рекой. Можно только использовать её силу.

Ладья продолжала дрейфовать влево, игнорируя усилия кормчего. Она была слишком тяжёлой, слишком инертной. Руль почти не влиял на её курс в таком течении.

Артельщики на палубе замерли, держась за борта, глядя на приближающиеся камни с ужасом.

С берега донёсся злорадный крик Касьяна:

— Круши! Давай! Я говорил, что утопит! На камни!

Его голос был торжествующим, довольным. Он ждал этого. Он хотел этого.

Я не обращал на него внимания. Все мои мысли были сфокусированы на ладье, на течении, на том, что происходит.

«Кормчий борется. Это убьёт их. Нужно остановить его. Сейчас».

Я набрал воздуха в грудь и закричал, перекрывая гул воды, крики с берега, панику:

— Держи как есть! Не борись! Иди по струе!

Кормчий на секунду замер, глядя на меня через двадцать метров воды. Его лицо было бледным. Он не понимал.

— Иди по струе! — повторил я громче. — Доверься течению!

Кормчий колебался ещё секунду — я видел это по его лицу, по застывшим рукам на руле. Он не понимал. Не верил. Все его инстинкты кричали: «Борись! Не сдавайся!»

Но он посмотрел на меня — через двадцать метров бурлящей воды — и что-то в моём взгляде, в моей уверенности, заставило его кивнуть.

Резко. По-военному.

Он ослабил давление на руль.

Ладью понесло влево ещё сильнее.

Купец на берегу вскрикнул — протяжно, отчаянно:

— Боже! Они на камни!

Артельщики на ладье схватились за борта так сильно, что костяшки побелели. Один из них закрыл глаза, шепча молитву.

Ладья шла прямо на отмель, где белели острые камни под тонким слоем пенящейся воды.

Десять метров.

Семь.

Пять.

Я видел каждый камень. Видел, как вода разбивается о них, как брызги летят вверх. Видел, как нос ладьи приближается к этим камням — неотвратимо, как во сне, когда ты бежишь, но не можешь остановиться.

Четыре метра.

Три.

«Ещё чуть-чуть. Ещё секунда. Течение должно измениться. Должно».

Два метра.

Я видел дно под водой теперь — мелкое, каменистое, покрытое илом и водорослями. Видел, как солнечный свет пробивается сквозь воду, освещая каждую деталь дна.

Один метр.

И вдруг —

Течение изменилось.

Не плавно. Резко, как шелчок переключателя.

S-поворот сделал своё дело. Вода, которая тянула ладью влево к отмели, вдруг развернулась и потекла вправо, огибая вторую отмель дальше по курсу. Река изменила направление, подчиняясь законам своего русла, своих камней, своих глубин.

Ладью подхватило новым течением.

Нос, который летел на камни, вдруг замедлился, остановился, начал разворачиваться обратно вправо.

Плавно. Почти мягко. Как будто река сама поправила ошибку, сама вернула судно на правильный курс.

Ладья прошла мимо отмели так близко, что я видел каждый камень под водой, каждую водоросль, каждую трещину в скале. Расстояние было меньше метра — возможно, полметра. Если бы ладья была чуть шире, если бы течение было чуть слабее, если бы кормчий продолжал бороться —

Она бы разбилась. Днище бы разорвало. Товар бы утонул.

Но она прошла.

Кормчий стоял у руля, вытирая пот со лба, дыша тяжело, как после драки.

Потом он повернул голову и посмотрел на меня — долгим взглядом, полным нового, глубокого уважения.

Он понял. Понял, что я не просто читал воду. Я знал её. Знал, как она движется, куда тянет, где помогает, где убивает.

Я кивнул ему — коротко, без слов — и повернулся обратно к курсу.

Первый этап пройден.

Толпа на берегу облегчённо загудела. Купец вытирал лицо платком. Артельщики на ладье переглядывались, улыбаясь нервно.

Только Касьян стоял неподвижно, сжав кулаки, глядя на меня с ненавистью.

Но это было неважно.

Потому что впереди был «зубец».

Главный камень. Место, где умирали ладьи. Место, где одна ошибка стоила всего.

Я взял весло крепче и погрёб дальше.

Гул воды стал оглушающим.

Здесь, у «зубца», Перекат был в самом узком месте. Вся река сжималась, проходя между скалами, и скорость течения удваивалась, утраивалась. Вода ревела, билась о камни, взлетала фонтанами брызг, создавая постоянную белую дымку над поверхностью.

Я грёб против этого рёва, против этой силы, чувствуя, как «Стерлядка» дрожит под ударами волн.

Пятый буй был прямо перед «зубцом» — там, где я промерял глубину линём, где я нашёл узкий проход между камнем и берегом.

Я подгрёб к буйку и остановился, упершись веслом в дно.

«Стерлядка» закачалась на волнах, но держалась на месте.

Я повернулся к ладье и поднял правую руку над головой — сигнал, который мы договорились.

Стоп.

Кормчий увидел. Он развернул руль, артельщики выбрали канаты, и ладья начала тормозить.

Медленно. Тяжело. Инерция огромного судна сопротивлялась, толкала вперёд, но постепенно ладья замедлилась и застыла на якоре, качаясь на волнах в двадцати метрах от меня.

Я видел лица на борту. Кормчий — напряжённый, готовый действовать. Артельщики — испуганные, но доверяющие. Купец стоял у мачты, держась за неё обеими руками, бледный, как полотно.

Все ждали.

Я посмотрел на «зубец».

Я не видел его — он был под водой, скрытый мутной пеной. Но я знал, где он. Я чувствовал его присутствие, как слепой чувствует стену перед собой.

Там. Справа от буйка. Метрах в трёх. Острый, как клык, торчащий из дна под углом.

Пройти мимо него напрямую было невозможно. Ладья была слишком широкой. Течение было слишком сильным.

Нужен был манёвр. Сложный. Опасный. Но единственный возможный.

Я набрал воздуха в грудь и закричал, поворачиваясь к берегу:

— Шпрингу! Травить!

На берегу, у кола, к которому был привязан канат от носа ладьи, стоял матрос купца — молодой парень в грязной рубахе. Он дёрнулся, услышав команду, и начал ослаблять канат, выпуская его из рук.

Эффект был мгновенным.

Шпринг держал нос ладьи от сноса. Как только канат ослаб, течение подхватило нос и начало сносить его вправо — к быстрине, к камням, к опасности.

Ладья начала разворачиваться.

Купец на борту закричал, хватаясь за мачту:

— Нас несёт! Боже, на камни!

Его голос был полон паники, отчаяния. Он не понимал. Он видел только то, как его судно летит в смерть.

Но я видел больше.

Я видел, как нос идёт вправо. Видел, как корма остаётся на месте, удерживаемая кеджем — малым якорем, заброшенным ниже по течению.

Ладья не летела на камни. Она разворачивалась.

— КЕДЖ! — закричал я в тот же момент, не давая панике распространиться. — Выбирать!

На ладье артельщики начали выбирать канат кеджа — толстую верёвку, уходящую за борт в воду. Они тянули синхронно, как на галере, работая в такт.

Канат натянулся. Кедж держался за дно где-то ниже по течению, влево и вперёд от ладьи.

Корму начало тянуть.

Не быстро. Не резко. Медленно, неотвратно, как приливом.

Корму тянуло вперёд и влево.

Нос сносило вправо.

Ладья начала дрейфовать боком.

Я видел это с «Стерлядки», держась за борт, чувствуя, как моё сердце колотится в груди.

«Так. Именно так. Боком. Как краб. Она должна пройти боком».

Ладья медленно, болезненно медленно, дрейфовала к «зубцу».

Борт к камню.

Не нос. Не корма. Борт.

Это был единственный способ пройти. Если бы ладья шла носом вперёд, она бы ударилась носом в камень и развернулась, как флюгер. Течение бы прижало её к камню, раздавило, разломило.

Но боком боком она могла проскользнуть мимо. Если всё пойдёт правильно.

Если я не ошибся.

Ладья приближалась к невидимому камню.

Три метра.

Два.

Я видел место, где вода пенилась сильнее — там, где течение ударялось о подводный выступ. Там был «зубец».

Один метр.

Ладья проплывала мимо этого места — медленно, как в кошмарном сне, где всё замедляется.

Полметра.

Я видел борт ладьи — потемневшие доски, смолу между ними, железные заклёпки.

И я услышал звук.

СКРЕЖЕТ!

Короткий, резкий, как будто гвоздём провели по доске.

Ладья чиркнула бортом о камень.

Я видел, как доски вздрогнули. Видел, как из воды вылетели щепки. Видел, как вода вокруг ладьи вспенилась, закрутилась.

Касьян на берегу вскочил на ноги, торжествуя:

— ПРОБОИНА! Топи! Я говорю! Я говорю, что утопит!

Его голос был полон злорадства, ликования. Он думал, что выиграл. Что я провалился. Что ладья тонет.

Купец на борту побелел так, что губы стали синими. Он схватился за мачту обеими руками, глядя вниз, на палубу, ожидая увидеть воду, хлещущую через пробоину.

Но кормчий уже спустился в трюм, проверяя повреждения.
Через несколько секунд его голова показалась над люком.

Он посмотрел на купца. Потом на меня.

И закричал, перекрывая гул воды:

— Обшивку содрало! Не страшно! Воды нет!

Я выдохнул, не заметив, что задерживал дыхание.

«Прошла. Чиркнула, но прошла».

Ладья проплыла мимо «зубца» — боком, как я и планировал. Камень содрал верхний слой обшивки, оставил шрам на борту, но не пробил корпус. Не разломил судно. Не убил.

Ладья была цела.

Товар был цел.

Они прошли.

Я посмотрел на кормчего и закричал изо всех сил:

— Чисто! Давай ход!

Кормчий кивнул — резко, с облегчением, которое было видно даже на расстоянии. Он развернул руль, артельщики начали выбирать кедж, и ладья медленно пошла вперёд, выходя из Переката в тихую воду ниже.

Гул начал стихать. Течение замедлялось. Белые буруны остались позади.

Я сидел в «Стерлядке», держась за борт, и чувствовал, как адреналин медленно отступает, оставляя после себя дикую усталость.

Мы прошли.

Они прошли.

Я сделал это.

Самое опасное место Переката — «зубец», камень-убийца, место, где гибли ладьи и люди — было пройдено.

Кульминация завершена.

Победа.

Ладья бросила якорь в тихой воде, метрах в пятидесяти ниже Переката.

Гул остался позади — далёкий, приглушённый, почти успокаивающий теперь. Здесь вода была спокойной, тёмной, медленно текущей. Солнце пробивалось сквозь лёгкие облака, бросая блики на поверхность.

Я подгрёб к ладье на «Стерлядке», чувствуя, как каждый гребок отдаётся в плечах, в спине, в руках. Усталость навалилась свинцовой тяжестью — я не спал всю ночь, прошёл через перекат в тонущей лодке, сделал инструменты, разметил колею, провёл ладью.

Но это была усталость победы. Сладкая. Заслуженная.

Я привязал «Стерлядку» к борту ладьи, за верёвочную петлю, и остался сидеть, глядя вверх.

Кормчий спустился по верёвочной лестнице, тяжело, как старик после долгого пути. Он сел на корточки у борта, прямо надо мной, и несколько секунд просто смотрел на меня молча.

Потом вытер пот со лба рукавом рубахи и покачал головой.

— Парень, — сказал он хрипло. Голос был уставшим, но в нём звучало что-то ещё. Благодарение. — Я тридцать лет хожу по этой реке. Видел разных лоцманов. Хороших. Плохих. Мёртвых.

Он замолчал, глядя куда-то в сторону Переката, на белые буруны, которые всё ещё бились о камни.

— Но так так никто не ходил. — Он посмотрел на меня снова. — Ты ты лоцман от Бога.

Слова были простыми, но вес их был огромным. Это не была лесть. Это было признание профессионала. Мастера. Человека, который знал цену мастерству.

Я не ответил. Просто кивнул — коротко, принимая.

Купец спустился следом, но не медленно, а быстро, почти спрыгнув с лестницы. Его лицо сияло — не просто улыбкой, а настоящей радостью, облегчением, которое было почти осязаемым.

— От Бога! — повторил он громко, хлопая себя по бёдрам. — Мой товар цел! Ладья цела! Я я думал, всё пропало! Когда нас понесло к камням, когда мы чиркнули о «зубец» я думал, всё! Конец!

Он полез за пазуху, доставая что-то тяжёлое, звенящее.

Кожаный кошель. Туго набитый, завязанный на верёвку.

Он бросил его мне.

Я поймал кошель обеими руками. Он был тяжёлым — приятно тяжёлым. Металл внутри звенел при каждом движении.

— Вот! — сказал купец, сияя. — Как договорились! Двадцать рублей серебром! Честно заработано!

Я развязал кошель и заглянул внутрь.

Серебряные монеты. Маленькие, неровные, битые вручную, с грубыми оттисками гербов и знаков, которых я не знал. Каждая монета была размером с ноготь большого пальца.

Я пересчитал их, быстро, автоматически.

Двадцать штук. Ровно.

Двадцать рублей серебром.

Ни Глеб в своей жизни, ни Мирон никогда не держали в руках столько денег. Это было состояние для бедной семьи. Годовой доход. Цена дома.

И я заработал их за несколько часов.

«Долг закрыт. Я спасён. Мы спасены».

Микронаграда была сладкой, почти опьяняющей. Я сделал невозможное. Провёл ладью через Перекат, который убивал лоцманов. Получил деньги. Закрыл долг.

Я завязал кошель и затолкал его за пояс, туда, где был нож.

— Спасибо, — сказал я, глядя на купца.

— Это тебе спасибо, малый, — ответил купец, хлопая меня по плечу. — Вот тебе ещё полтора серебряных за хорошую и быструю работу. Если ещё встретимся — обращайся. Я запомнил тебя. Мирон Заречный, лоцман от Бога. Я всем расскажу о тебе.

Кормчий кивнул.

— И я расскажу. Ты заслужил.

Я кивнул в ответ, отвязал «Стерлядку» и оттолкнулся от ладьи.

Пора возвращаться.

Я грёб обратно к своему причалу — против течения, медленно, экономя силы, которых почти не осталось.

Река текла навстречу, но здесь, в тихой воде, она была спокойной, не сопротивлялась сильно. Весло послушно входило в воду, толкало, выходило. Гребок за гребком.

Я думал о том, что произошло.

«Успел. Деньги есть. Долг будет выплачен сегодня, до заката».

Я посмотрел на солнце. Оно перевалило за зенит — близилось к середине дня, может, чуть позже. Полдень прошёл. До заката оставалось ещё несколько часов.

«Дедлайн Касьяна — до заката. Я успеваю с запасом. Принесу деньги, закрою долг, и всё. Конец».

Я почти поверил в это. Почти позволил себе расслабиться.

Но когда я обогнул поворот реки и увидел свой причал, все мысли о расслаблении испарились.

На причале стоял Касьян.

Не один.

С ним был мытник Авиновых — тот самый чиновник в чёрном кафтане с посохом. И двое стражников в кожаных доспехах, с дубинками за поясами, с мечами на бёдрах. Не те, что были раньше. Другие. Более серьёзные.

А чуть в стороне, только что причаливая на шлюпке — купец и кормчий. Им нужен был мытник для оформления пошлин после прохода. И им было интересно посмотреть, что будет дальше.

Касьян стоял спокойно.

Слишком спокойно.

Руки скрещены на груди. Лицо невозмутимое. Никакой ярости, никакого злорадства, которое было раньше, на Перекате.

Только холодное спокойствие.

И это было страшнее, чем его крики.

Я подгрёб к причалу, вылез из лодки, завязал верёвку на столбе.

Встал. Выпрямился. Посмотрел Касьяну в глаза.

— Касьян.

— Рыбец, — ответил он ровно.

Пауза. Тяжёлая. Напряжённая.

Игра только начиналась.

Я не дал Касьяну открыть рот.

Ударил первым.

Шагнул вперёд, достал кошель из-за пояса и поднял его так, чтобы все видели — мытник, стражники, купец, кормчий, который только что причалил.

— Я принёс, — сказал я ровно, обращаясь к мытнику, не глядя на Касьяна. — Двадцать рублей серебром.

Я потряс кошелём. Металл звенел внутри — чётко, громко, убедительно.

— В счёт старого долга дому Авиновых. Срок — до заката. Закат ещё не настал. Вот деньги. Пиши: долг закрыт.

Я протянул руку к мытнику — демонстративно, игнорируя Касьяна, как будто его не существовало.

Касьян шагнул вперёд и положил ладонь на кошель, не давая мне передать его мытнику.

— Передача долга должна быть оформлена печатью дома, — сказал Касьян спокойно, так, чтобы слышали все.

— Без печати — это не платеж, а шум монет. — Мытник, ты не примешь его деньги, пока я не подтвержу сделку. Так по уставу.

— Не жадничай, Рыбец, — сказал он тихо, с нажимом. Голос был спокойным, почти дружелюбным. Но в глазах была сталь. — Двадцать рублей — это смешно. Ты мне должен куда больше.

Я поднял бровь, глядя на него.

— Больше?

Касьян повернулся к толпе — к купцу, кормчему, артельщикам, которые подошли поближе, чувствуя конфликт.

— Четыре рубля убытку дому Авиновых! — объявил он громко, на всех. — Ты у меня проход украл! Это моя вода! Купец должен был заплатить мне сорок! И ещё рубль — пошлина за лоцманство без печати. Итого пять рублей, малец!

Пауза.

Толпа зашумела. Кто-то присвистнул. Пятьдесят серебром — это было больше, чем многие зарабатывали за два года.

Я не ответил сразу. Просто посмотрел на Касьяна — спокойно, изучающе, как Глеб смотрел на оппонентов в переговорах, когда они пытались выставить невыполнимые условия.

Потом повернулся к толпе.

— Слушайте, люди, — сказал я чётко, простыми словами, чтобы каждый понял. — Он говорит: «убыток». Давайте разберёмся, что такое убыток.

Я сделал паузу, давая словам дойти.

— Убыток — это когда у тебя ладья в щепу, товар на дне, люди утонули. Вот это убыток. А то, что ты хотел взять сорок, да не взял — это не убыток. Это жадность.

Кормчий ухмыльнулся, прикрыв рот рукой. Купец приснул, отворачиваясь.

Касьян побагровел.

— Ты! — Он повернулся к купцу, тыча пальцем. — Подтверди! Мы договаривались на сорок!

Купец посмотрел на него холодно — так холодно, что Касьян на мгновение замер.

— Мы не торговались, малый, — сказал купец ровно. — Ты сказал «сорок» и «ждите». Я три дня стоял у твоего берега. Ты платы хотел, а дороги не дал. Это пустой разговор. Я не плачу за пустой разговор.

Это был удар. Жёсткий. Публичный. Свидетель обнулил сорок рублей серебром Касьяна прямо на глазах у всех.

Я добил:

— Вот. Слышал? Ты не повёл ладью. Ты не поставил буёв. Ты не промерил колею. Ты не сделал работу. — Я говорил медленно, чеканя каждое слово. — Если ты не сделал работу — тебе не платят. Так везде. Хоть в Слободе, хоть в Новгороде, хоть в Дубае.

Последнее слово вырвалось само — из памяти Глеба, из другой жизни, из мира, где деловые переговоры велись в небоскрёбах, а не на деревянных причалах.

Оно прозвучало странно, чужеродно.

Касьян моргнул, не понимая, но чувствуя издёвку в моём тоне.

Он сжал кулаки, сделал глубокий вдох, меняя тактику.

— Ладно, — сказал он, и голос стал мягче, почти милостивым. — Сорок я ему прощаю.

Звучало это как великодушие, как милость сильного слабому.

— Но, — продолжил он, повернувшись к мытнику, — он влез в лоцманы без печати. Пиши долг три рубля серебром. За самовольный промысел на воде рода Авиновых. Срок — неделя.

Я шагнул вперёд, глядя на Касьяна в упор.

— Какая печать?

Мой голос был громким, резким, на весь причал.

— Ты сказал «печать». — Я сделал паузу, давая вопросу повиснуть в воздухе. — Печать чего? Чьё слово там? Княжеское? Городское? Монастырское? Или твоя собственная рука?

Мытник дёрнулся. Это был прямой вызов праву рода Авиновых. Опасный вызов.

Касьян цедил сквозь зубы:

— Печать дома Авиновых. Моего рода. Наш Перекат. По уставу: кто ведёт ладью — тот платит нам.

— Вёл ладью — плати, — повторил я, кивая. — Это я понимаю. Это справедливо.

Я сделал паузу, потом добавил:

— Но я не вёл твою ладью. Я вёл его ладью.

Я кивнул на купца.

— Это не твоя ладья. Это не твой товар. Это не твои люди. Я с ним договорился, не с тобой. Двадцать рублей серебром — моё. Ты тут ни при чём.

Это было оскорбительно. «Ты тут лишний». Публичное унижение.

Купец подтвердил, и в его голосе я услышал удовольствие:

— Верно. Я дал слово ему, не тебе. И я уже расплатился. Дом Авиновых тут ни при чём.

Касьян дрожал от ярости. Руки сжались в кулаки так сильно, что костяшки побелели.

Он проиграл логику. Проиграл свидетелей. Проиграл публично.
И он сделал то, что делают проигравшие.

Перешёл к силе.

Он сделал шаг ко мне — вплотную, так близко, что я чувствовал его дыхание, видел вены на шее, пульсирующие от ярости.

— Ни при чём? — прошипел он. — Ты стоишь у моего берега. Ладью вёл по моей воде. Моей тропой. Без спросу. Без печати. Как вор.

Он понизил голос до шипения:

— За это — три серебром. Не заплатишь за неделю — не будет у тебя ни причала, ни избы, ни лодки твоей. Я сам приду. Я не шучу.

Стражники сделали шаг вперёд, положив руки на рукояти дубинок. Угроза была ясной. Я не отступил. Не дрогнул. Не моргнул.

Просто смотрел Касьяну в глаза и говорил — медленно, на выдохе, сталью:

— Слышу.

Пауза.

— Десять рублей серебром. Не сейчас — через неделю. Ты сам сказал «неделя». Все слышали.

Я обвёл взглядом купца, кормчего, мытника, артельщиков.

— А сегодня ты берёшь эти двадцать.

Я снова потряс кошелём, и металл звякнул.

— Берёшь — и пишешь: «долг закрыт». Перед моими свидетелями. Чтоб потом не квакал, что я тебе якобы должен старое.

Напряжённая пауза. Тяжёлая, как свинец.

Мытник застыл, глядя на Касьяна, ожидая указаний.

Купец прочистил горло и сказал ровно:

— Пиши. Дом Авиновых получил свои двадцать. Долг старый с него снят. Я — свидетель.

Кормчий кивнул:

— И я свидетель.

Касьян смотрел на меня ещё несколько секунд — долгих, бесконечных секунд, в которых висела угроза насилия.

Потом медленно, нехотя кивнул мытнику.

Мытник дрожащими пальцами забрал кошель из моих рук.

— Долг в двадцать рублей серебром закрыт, — произнёс он официально, дрожащим голосом. — Свидетели: купец Фёдор Новгородский, кормчий Иван. Новый долг в три серебром. Срок — неделя от сего дня.

Я выдохнул.

«Старый долг — закрыт. Новый долг — три серебром. Срок — неделя, не сейчас».

Три победы. Маленькие, но победы.

Касьян развернулся и пошёл прочь, не оглядываясь. Стража последовала за ним. Мытник — следом, прижимая кошель к груди.

Но у края причала Касьян обернулся.

Посмотрел на меня долгим, тяжёлым, обещающим взглядом.

— Неделя пролетит быстро, Рыбец. Если серебра не будет — я подам на взыскание имущества. Мать подпишет бумаги.

Он говорил тихо. Но в его словах была уверенность человека, который знает, что делает.

Он ушёл.

Купец и кормчий отчалили, кивнув мне на прощание.

Я остался один на причале.

Дрожал — не от страха, а от адреналина, от осознания того, что произошло.

Старый долг закрыт. Новый — три серебром. Семь дней.
Семь дней — это не «сейчас». Семь дней — это работа. А работать я умею.

Глава 7

Солнце уже висело низко над рекой, окрашивая воду в тяжёлый медный цвет, когда я добрался до дома.

Ноги гудели. Руки дрожали от усталости. Одежда пропахла речной водой, смолой и потом.

Я толкнул дверь, переступил порог и остановился.

Секунду стоял, глядя на тяжёлый деревянный засов, который всегда задвигала мать.

Сегодня его задвинул я.

Медленно, с усилием, прикладывая вес плеча. Дерево со скрипом вошло в пазы. Тяжело. Надёжно. Окончательно.

Я закрыл дом.

Физически. Символически.

Я стал щитом.

Мать бросилась ко мне — не истерично, не с рыданиями, а деловито, по-хозяйски, как человек, который знает правила этого мира.

— Приходили? — спросила она коротко, хватая меня за плечи, заглядывая в лицо. — Брали?

Не «ты живой?». Не «что случилось?».

«Приходили? Брали?»

Она понимала правила рейдерства.

Я отрицательно качнул головой и сел у печи. Ноги подкашивались.

Мать сунула мне в руки влажную тряпицу — вытереться — и села напротив, сложив руки на коленях, ожидая.

Я выкладывал факты коротко, сухо, как Глеб выкладывал отчёты партнёрам после переговоров. Без эмоций. Только хронология.

— Двадцать рублей серебром я отдал, — сказал я. — При свидетелях. Купец Новгородский и кормчий Иван. Мытник записал. Долг закрыт.

Мать выдохнула, закрыла глаза, качнула головой — облегчённо, как человек, которого долго душили, но вдруг отпустили горло.

— Но Касьян хотел повесить пятьдесят сверху, — продолжил я. — Сорок «убытку» и десять «пошлины без печати».

Мать замерла.

— Пятьдесят? — прошептала она. — Пятьдесят серебром?

Её голос дрогнул. Пятьдесят серебром — это было невозможно. Три года работы. Пять коров. Весь улов на два сезона.

— Не дал, — сказал я твёрдо. — Сорок сбил. Я сказал — он работу не делал. Купец подтвердил при всех. Касьян проиграл.

Мать смотрела на меня широко раскрытыми глазами, как будто не узнавала.

— Но десять серебром он всё равно вписал, — добавил я. — Пошлина за лоцманство без печати. Срок — неделя. Это слышали все. При свидетелях.

Я не сказал матери об угрозе Касьяна — «Мать подпишет бумаги».

Не сказал о том, как он шипел эти слова, глядя мне в глаза.

Я фильтровал угрозы. Это теперь моя работа.

Мать резко встала, прошлась по избе, обхватив себя руками.

— Неделя? — повторила она, оборачиваясь ко мне. — Они и дня обычно не дают.

В её голосе я услышал что-то новое — не страх, а удивление. Почти уважение.

Неделя была роскошью. Неделя была победой.

Плечи горели. Шея была каменной. Руки дрожали от перегрузки — от гребли, от верёвок, от борьбы с рекой.

Я откинулся на стену, закрыл глаза, медленно массируя правое плечо. Мышцы были забиты молочной кислотой, каждое движение отдавалось тупой болью.

Голос был севшим, хриплым — я орал инструкции кормчему сквозь рёв воды на Перекате, и связки ещё не восстановились.

Мать поставила на стол миску с горячей водой, принесла чистую тряпку и полоски ткани для перевязки.

— Руки, — сказала она коротко, деловито.

Не жалобно. Не с охами. Как фельдшер солдату после боя.

Я молча подставил запястья.

Мать взяла мою правую руку, аккуратно повернула к свету лампы.

Замерла.

Секунду смотрела на запястья, и я видел, как её лицо меняется — глаза расширяются, дыхание учащается, губы сжимаются в тонкую линию.

Кожа на запястьях была рваной. Тёмная корка засохшей крови, грязи и речного ила. Глубокие ссадины, где верёвка впивалась в плоть, когда меня тянули под воду.

Доказательство.

Доказательство того, что кто-то пытался меня убить.

Мать задышала ртом — один раз, два раза, — как человек, который только что увидел, насколько близко его сын был к смерти.

Потом проглотила эмоцию, выдохнула медленно и вернулась в деловой режим.

Окунула тряпку в горячую воду, отжала, начала осторожно промывать раны.

Я морщился. Вода жгла, особенно там, где кожа была содрана до мяса. Но не стонал. Не дёргался.

— Не перетягивай сильно, — сказал я тихо, глядя на свои руки. — Мне завтра ими работать.

Мать посмотрела на меня, кивнула. Промыла обе руки, нанесла что-то вязкое и горькое — травяную мазь, которую она делала сама — и начала перематывать запястья полосками ткани.

Не туго. Достаточно, чтобы защитить раны, но не сковывать движения.

— Завтра снимешь, — сказала она, завязывая последний узел. — Промоешь ещё раз. И снова намажешь.

Я кивнул.

Мать встала, вытерла руки о фартук, пошла к печи.

Вернулась с деревянной миской — хлеб, солёная рыба, остатки каши. Скучная еда. Очень скучная.

Поставила миску на стол.

Потом принесла маленький узелок — тряпицу, завязанную в угол. Положила рядом с миской.

Развязала.

Внутри — ничего.

Пусто.

Она посмотрела на меня, и в её глазах я увидел то, что она не сказала вслух:

«Вот всё, что есть».

Я кивнул, фиксируя факт без истерики.

Резервов нет. Еды — на два дня, может три, если экономить. Денег — ноль. Снастей — ноль. Товара на продажу — ноль.

Финансовый и логистический ноль.

— Ты им сказал, что у нас нечего брать? — спросила мать тихо, глядя на пустой узелок. Я покачал головой.

— Им этого не надо знать.

Пауза.

— Если они будут думать, что у нас есть что терять, — добавил я, — они не полезут сразу. Будут ждать, пока я заплачу. А пока они ждут — я работаю.

Мать смотрела на меня долго, изучающе.

— Ты говоришь, как купец, — прошептала она наконец.

Я пожал плечами.

— Я говорю, как человек, который хочет выжить.

Я взял краюху хлеба, откусил. Жевал медленно, думая.

— Без снастей я никому не нужен, — сказал я вслух, формулируя проблему. — Ни рыбакам, ни купцам, ни лоцманам. Снасть — это мой инструмент. Без инструмента я ничто.

Мать кивнула.

— Снасти нам в Слободе не продадут, — продолжил я. — Касьян через мытника, наверное, уже всем сказал. «Не давать Мирону снасть. Не давать работу. Не давать кредит».

Мать подтвердила:

— Скажет «не давать» — не дадут. Люди жить хотят. Никто не станет против дома Авиновых.

Я кивнул.

— Значит, снасть брать не здесь. — Я говорил медленно, собирая мысли в систему, как Глеб собирал логистические цепочки. — Мне нужно место, где мне продадут, не спрашивая у него разрешения. И где заплатят серебром за работу, тоже не спрашивая.

Пауза.

— И это надо сделать завтра, — добавил я тихо.

Мать села напротив, обхватив себя руками.

— Может, пока спрячемся? — предложила она неуверенно. — У дядьки в Верхней Слободе? Переждём?

Я покачал головой — резко, жёстко.

— Если уйдём — придут и опечатают дом. Потом скажут: «в бегах, долг не платит». И заберут всё — избу, лодку, причал — в счёт долга. — Я посмотрел на мать в упор. — Исчезнуть — это признать поражение. Это дать им всё без боя.

Она замолчала, обдумывая, потом спросила:

— Может, продать лодку?

Я посмотрел на неё — долго, молча.

Потом сказал:

— Не продам.

Тон получился жёстче, чем я хотел.

— Лодка — это не вещь, мама, — продолжил я, медленно, отчеканивая каждое слово. — Это мои руки. Продать лодку — всё равно что отрубить себе кисть и надеяться потом жать тесто.

Она моргнула, не понимая аналогии полностью, но чувствуя её силу.

— Без лодки я ничто, — добавил я тише. — Ни рыбак, ни лоцман, ни работник. Просто калека, которому можно приказывать таскать мешки за медяк. Я не продам лодку.

Мать смотрела на меня долго — изучающе, как будто увидела меня впервые за много лет.

— Ты изменился, — прошептала она наконец.

Я не ответил.

Потому что она была права.

Мирон Рыбец — тихий, забитый, незадачливый парень, который боялся конфликтов и мечтал только о том, чтобы его оставили в покое — умер на той лодке в реке.

На его месте был Глеб. Глеб, который умел вести переговоры. Глеб, который видел логистические цепочки. Глеб, который не паниковал, а строил планы.

Но я не мог ей этого сказать.

— Старый долг закрыт, — повторил я вместо этого, возвращаясь к фактам. — Новый — десять рублей серебром. Семь дней — это не «сейчас». Это работа. А работать я умею.

Мать молчала, переваривая логику.

Потом медленно кивнула.

— Ты теперь старший в доме, — сказала она тихо. — Решай.

Это не было капитуляцией. Это было признанием.

Я стал главой семьи. Защитником. Стратегом.

Мать и сын — рабочая бригада. Без сантиментов. Без иллюзий.

Я доел хлеб, запил квасом, встал.

Подошёл к двери, проверил засов — тяжёлый, надёжный, на месте.

Вернулся к столу, но не сел обратно на лавку у стены.

Сел лицом к двери.

Позиция охраны.

Мать заметила, но ничего не сказала: просто кивнула и пошла к своему углу готовиться ко сну.

Тишина.

Снаружи — ночная Слобода. Глухо. Изредка слышны приглушённые шаги, далёкие голоса, лай собаки.

Я сидел, глядя на дверь, слушая.

И тут — стук.

Не громкий. Не паника. Уверенный, наговатый стук.

Тук.

Пауза.

Тук-тук.

Мать замерла у печи, обернулась ко мне — глаза широкие, испуганные.

Я поднял руку: «тихо».

Встал медленно, бесшумно.

Подошёл к двери, не открывая засов.

— Кто? — спросил я негромко, но чётко.

Пауза.

Потом — голос. Молодой. Мальчишеский. Но с хитрецей.

— Мирон? Это я, Егорка. Из монастыря. Открой, надо поговорить.

Я замер.

«Егорка. Монастырь».

Первое упоминание того самого места, о котором я думал перед сном.

«Не соседка. Не случайный прохожий. Кто-то уличный. Наглый. И — из монастыря».

— О чём говорить? — спросил я, не открывая дверь.

Смех за дверью — лёгкий, почти дружелюбный.

— О твоих снастях, Рыбец. Я знаю, где они. И знаю, кто тебе может их вернуть.

Пауза.

Мать смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

Я стоял, глядя на засов, взвешивая.

«Егорка. Монастырь. Снасти».

«Слишком удобно. Слишком вовремя».

«Но выбора нет».

Я медленно отодвинул засов.

Открыл дверь.

На пороге стоял парень — лет шестнадцати, может, семнадцати. Худой, жилистый, в потрёпанной рубаше и штанах, заправленных в истоптанные лапти. Волосы рыжеватые, всклокоченные. Глаза хитрые, живые, быстрые — как у хорька.

Он улыбался — нагло, но не враждебно. Как человек, который пришёл по делу и знает, что его здесь ждали.

— Ну что, утопленник? — сказал он вместо приветствия. — Слышал, тебя на Перекате едва не скормили рыбам.

Я перекрыл собой дверной проём, не впуская его внутрь, не отступая.

— Кто ты? — спросил я холодно. — Шнырь касьянов?

Парень фыркнул, качнул головой.

— Касьянов? Да я бы ему в глаза плюнул, если б не боялся, что дядька мой потом за это получит. — Он сплюнул в сторону. — Я Егорка. Из монастырской артели. Работаю на отца Серафима, через дядьку. А к Касьяну отношусь так же, как и ты — никак. Враг моего врага, понял?

Я смотрел на него молча, оценивая.

Голос — искренний. Поза — открытая, руки на виду. Но глаза — быстрые, оценивающие. Мелкий хищник. Ищущий выгоду.

— Чего хочешь? — спросил я.

Егорка перестал улыбаться. Лицо стало серьёзным, деловым.

— Касьян обманывает на расчётах, — сказал он прямо. — Каждый раз. Мерник у него дырявый — всегда в минус выходит. Обещал пять серебром за месяц — дал три. Обещал три — дал полтора. А если начинаешь качать права, говорит: «Не нравится — иди. Другой найдётся».

Он замолчал, сжал кулаки.

— Отец мой в его артели двадцать лет работает. Спину гнёт. А в результате — долг. Вечный долг, который никогда не кончится, потому что Касьян считает так, как ему выгодно.

Я кивнул медленно.

— И что ты предлагаешь?

Егорка выдохнул, расправил плечи.

— Слышал, ты сегодня на причале с ним словесно бился. И выиграл. При свидетелях. — Он посмотрел на меня с уважением. — Никто так с ним не говорил. Никто не смел.

Пауза.

— Ты знаешь, как работать по-честному, — продолжил Егорка. — Мера на свету. Вес при людях. Расчёт на бумаге. Так?

Я кивнул.

— Так.

— Тогда возьми меня. — Егорка шагнул ближе, глядя мне в глаза. — Я знаю обходные тропы к монастырю. Знаю, где можно пройти мимо касьяновых глаз. Проведу тебя туда, где его слово — ничто. Где можно снасти достать, работу взять, денег заработать. И всё это — по-честному.

Я смотрел на него, взвешивая.

«Он мне нужен. Проводник. Доступ к монастырю. Информация о Касьяне».

«Но нужно установить правила сразу. Иначе он сядет на шею».

— Не даром ведь? — спросил я. — Есть цена?

Егорка кивнул честно:

— Есть надо. У меня дома три младших брата. Еды не хватает. Отец почти всё отдаёт Касьяну в счёт долга. — Он говорил просто, не жалобно, лишь констатируя факт. — Я не

прошу подарков. Я прошу работу. Возьми меня подручным. На неделю. Я буду носить, тянуть, сторожить, проводить. А ты — корми у своего стола и дай две рыбины с первого улова. Чтоб отнести домой.

Я молчал, обдумывая.

«Две рыбины — это почти ничего. Еда у стола — тоже немного. Но он предлагает услуги, которые мне нужны».

«Это честная сделка».

— Договорились, — сказал я наконец. — Но на моих условиях.

Егорка насторожился.

— Каких?

Я выпрямился, глядя на него сверху вниз.

— Ты — подручный. Не партнёр. Не друг. Подручный. Ты делаешь, что я скажу. Таскаешь, что скажу. Молчишь, когда скажу. Понял?

Егорка кивнул медленно.

— Понял.

— Оплата — еда у моего стола и две рыбины с первого улова, — продолжил я. — Мера — на свету. Вес — при людях. Расчёт — на бумаге, если понадобится. Без обмана. Без хитрости. По-честному.

Егорка выдохнул, и в его глазах я увидел облегчение.

— При людях и на бумаге? — переспросил он, будто не веря.

— Иначе смысла нет, — ответил я твёрдо. — Если я обманываю тебя — зачем тебе работать? Если ты обманываешь меня — зачем мне тебя держать?

Егорка кивнул, и в его лице появилось что-то новое — не хитрость, а уважение.

— Я согласен, — сказал он.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда слушай правила.

Я поднял один палец.

— Правило первое: в дом — только с моего слова. Я не позвал — ты не входишь. Ясно?

Егорка кивнул.

— Ясно.

Я поднял второй палец.

— Правило второе: все разговоры — через меня. К моей матери — ни полслова. Никаких вопросов, никаких просьб, никаких шуток. Она тебя не касается. Понял?

Егорка кивнул серьёзно.

— Понял.

Я поднял третий палец.

— Правило третье: соврёшь один раз — расстанемся. Сразу. Без разговоров. Без второго шанса. Но если будешь держаться прямо — будешь есть у моего стола столько, сколько нужно. Честь за честь. Работа за работу.

Егорка смотрел на меня долго, переваривая.

Потом кивнул.

— Справедливо, — сказал он тихо. — Согласен. Я сын рыбака Ивана из касьяновой артели. Дядька мой — Панкрат, трудник у отца Серафима в монастыре. Через него я могу провести тебя туда, где Касьян не видит.

Я кивнул, фиксируя информацию.

«Отец в артели Касьяна — мотив мести. Дядька в монастыре — доступ. Всё сходится».

— Хорошо, Егорка, — сказал я. — Завтра, как сереть начнёт, я выйду из дома. И ты уже будешь стоять здесь. Покажешь тропку к монастырю. Поможешь что-то донести, если понадобится. И будешь работать так, как я скажу. Договорились?

Егорка кивнул, и на его лице появилась улыбка — не наглая, а почти благодарная.

— Стану. Тропку покажу. Не подведу, Мирон.
Я протянул руку.
Егорка моргнул, удивлённо посмотрел на мою руку, потом пожал её — крепко, по-мужски.

— До утра, — сказал я.
— До утра, — повторил Егорка.
Он развернулся и быстро пошёл прочь, растворяясь в темноте ночной Слободы.
Я закрыл дверь, задвинул засов.
Мать стояла у печи, глядя на меня широко раскрытыми глазами.
— Ты ему веришь? — спросила она тихо.
Я пожал плечами.
— Пока проверяю. Если обманет — расстанусь. Если не обманет — получу проводника и рабочую силу за две рыбины. Это выгодная сделка.
Мать кивнула медленно, но в глазах её была тревога.
— Он из артели Касьяна
— Его отец из артели Касьяна, — поправил я. — И именно поэтому он мне нужен. Он знает, как Касьян работает. Он знает тропы. Он знает монастырь. Он — мой вход туда, куда Касьян меня не пустит.
Я сел на лавку, потёр лицо руками.
«Договор заключён. Проводник есть. Завтра — монастырь».
«Завтра начинается работа».
Мать подошла, положила руку мне на плечо — коротко, без слов.
Потом ушла к своему углу.
Я сидел ещё долго, глядя на угасающий огонь в печи, слушая тишину.
«Егорка. Монастырь. Снасти. Семь дней».
«Всё сходится».
«Завтра узнаю, прав ли я».
Я поднялся, залез на полати и закрыл глаза. Но не заснул.
Лежал, глядя в темноту, слушая дыхание матери, треск остывающей печи, далёкий шум реки.

Думал.
Планировал.
Перебирал в голове то, что имею.
Бредень — старый, латаный, но целый. Верёвка — крепкая, длинная. Нож — острый. Ремешок для уключины — запасной, на случай если порвётся старый. Узелок с хлебом — краюха, вяленая рыба, горсть сушёных ягод.
Лодка на причале — целая, но требует починки.
Руки — рабочие, хоть и рваные.
Голова — ясная.
«Этого должно хватить».
Когда небо за окном начало сереть, я тихо спустился с полатей.
Мать уже не спала — сидела у стола, глядя в окно.
Обернулась, когда услышала скрип половиц.
Я подошёл к столу, где вчера лежал пустой узелок. Достал из-за пояса две медные монеты — всё, что у меня осталось от заработка кормчего.
Положил их на стол перед матерью.
— Это тебе, — сказал я тихо. — На еду. Если понадобится что-то срочное.
Мать посмотрела на медяшки, потом на меня.
— Мирон

— Не спорь, — сказал я твёрдо, но без злости. — Мне они не нужны. У меня есть план. А тебе надо держаться, пока я работаю.

Она медленно накрыла монеты ладонью, кивнула.

— Ты идёшь к монастырю? — спросила она тихо.

— Да.

— С этим мальчишкой?

— С Егоркой. Да.

Пауза.

— Будь осторожен, — сказала мать, и в её голосе была не паника, а усталая тревога. — Касьян не простит того, что ты сделал вчера. Он будет следить. Он будет ждать, когда ты оступишься.

Я кивнул.

— Знаю. Поэтому я иду туда, где он меня не достанет.

Я подошёл к углу, где лежали мои вещи. Завязал узел с едой, закинул бредень на плечо, засунул нож за пояс, проверил ремешки.

Подошёл к двери, остановился, обернулся.

Мать стояла у стола, сжимая в руке медные монеты, глядя на меня.

— Я вернусь к вечеру, — сказал я. — Засов не открывай никому, кроме меня.

Она кивнула.

Я отодвинул засов, открыл дверь и вышел в серый предрассветный воздух.

Егорка ждал в тени сарая — силуэт, прислонённый к стене, почти невидимый в утренних сумерках.

Когда я появился, он выпрямился, и я увидел, как от него отделились ещё несколько силуэтов — мальчишки, младше его, которые быстро и бесшумно разбежались в разные стороны.

Егорка подошёл ко мне, остановился у порога.

— Готов? — спросил я коротко.

— Готов, — ответил он так же коротко.

Я кивнул, закрыл за собой дверь — тихо, чтобы не разбудить соседей.

Егорка развернулся и пошёл вперёд. Я пошёл следом.

Мы шли молча.

Не по главной дороге, а берегом, по узким тропам между сараями и огородами. Егорка двигался быстро, уверенно, как человек, который знает каждый поворот, каждую кочку, каждый камень.

Несколько раз он останавливался, поднимал руку — жест «стой» — и прислушивался.

Я замирал, слушая вместе с ним.

Где-то вдалеке — голоса. Скрип телеги. Лай собаки.

Егорка ждал, пока звуки не затихали, потом кивал и шёл дальше.

«Он осторожен. Хорошо».

Мы обошли Слободу стороной, спустились к реке, пошли вдоль берега — там, где ивы росли густо, скрывая нас от чужих глаз.

Солнце поднималось медленно, окрашивая небо в оранжевый и розовый. Туман стелился над водой — густой, молочный, как одеяло.

Егорка вёл меня дальше, мимо причалов, мимо знакомых мест, туда, где река делала крутой поворот и Слобода кончалась.

Впереди был лес. Густой, старый, тихий.

Егорка свернул с тропы, прыгнул через ручей, нырнул под низкие ветви ивы.

Я последовал за ним.

Лес поглотил нас.

Здесь было темнее, прохладнее. Пахло мхом, сыростью, прелыми листьями. Птицы ещё не проснулись. Только где-то вдалеке стучал дятел — мерно, монотонно.

Егорка вёл меня по едва заметной тропе — настолько узкой, что ветки цеплялись за одежду, корни пытались споткнуться.

Я шёл молча, доверяя ему.

«Он знает эти тропы. Он прав — здесь Касьян не увидит».

Мы шли около часа, может, меньше. Время в лесу течёт иначе.

И вдруг лес кончился.

Впереди — низина. Туманная, белая, как море облаков.

А за низиной, на пологом пригорке — стена.

Монастырская стена.

Деревянная, высокая, массивная. Брёвна толстые, прочные, потемневшие от времени.

Башни по углам — приземистые, угрюмые. Ворота — низкие, тяжёлые, с железными петлями.

За стеной виднелись купола церкви — два, может три, ещё скрытые утренним туманом.

Колокол ударил один раз — низко, глубоко, так, что воздух задрожал.

Я остановился, глядя на стену.

Егорка встал рядом, тоже глядя.

— Туда, — сказал он тихо, кивнув на ворота.

Я кивнул.

«Работа началась».

Сделал шаг вперёд, к тропе, которая вела вниз, в туманную низину, к воротам.

Глава 8

Ворота были приоткрыты.

Мы вошли во внутренний двор монастыря — и попали в аврал.

Двор был большим, вытоптаным, грязным. Деревянные постройки по периметру — кельи, склады, амбары. В центре — колодец и несколько больших деревянных чанов. Пахло рыбой. Свежей и не очень свежей.

Монахи-трудники бегали с носилками, ведрами, мешками — торопливо, хаотично, как муравьи из разорённого муравейника.

Нас встретил дядька Егорки — Панкрат. Высокий жилистый мужик лет сорока, в потрёпанной монашеской рясе, с рукавами, засученными до локтей. Лицо обветренное, руки рабочие, мозолистые.

Он увидел Егорку, кивнул, потом посмотрел на меня — изучающе, настороженно.

— Не вовремя вы, — сказал он коротко, вытирая лоб тряпкой. — Отец Серапион рвёт и мечет.

— Почему? — спросил Егорка.

Панкрат махнул рукой в сторону центра двора.

— Сам увидишь.

Мы пошли следом.

И я увидел.

В центре двора, рядом с чанами, была гора рыбы.

Не кучка. Не корзина. Гора.

Сотни, может, тысячи рыбин — лещи, окуни, плотва, язь, даже несколько крупных судаков. Серебристые чешуйки блестели на солнце. Рыба была свежей, только что из воды, ещё влажной, но уже начинающей пахнуть — тем тяжёлым, сладковатым запахом, который говорит: «времени мало».

Над горой стоял мужчина.

Высокий, широкоплечий, лет под пятьдесят. Ряса монашеская, но подпоясанная крепким ремнём, рукава закатаны. Руки сильные, жилистые. Лицо волевое, с резкими чертами. Борода седая, коротко подстриженная. Глаза — стальные, жёсткие.

Это был отец Серапион.

Он кричал на молодого монаха, который стоял перед ним с ведрами, съёжившись от гнева настоятеля.

— Куда в рассол?! — рычал Серапион, тыча пальцем в чан. — Он ещё тёплый! Тёплый, слышишь?! Ты испортишь всю рыбу! Она протухнет раньше, чем просолится!

Монах робко блеял что-то в ответ, но Серапион перебил его:

— Антип-солевар болен, а вы, лодыри, без него не можете! Три года он вас учил! Три года! И что?!

Я остановился, глядя на сцену.

И в голове щёлкнуло — мгновенно, автоматически, как срабатывает рефлекс у человека, который всю жизнь занимался одним делом.

«Они её губят».

Глеб-рыболов, знавший всё о хранении улова, видел проблему сразу.

«Они кладут рыбу в тёплый рассол. Рыба ещё не остыла после смерти. Соль не успеет законсервировать ткани — бактерии размножатся быстрее. Она протухнет изнутри, несмотря на соль».

«Нужен холодный крепкий рассол. Или горячий — но тогда технология другая».

Серапион развернулся, чтобы отдать новый приказ, и заметил нас.

Остановился. Посмотрел на Егорку, потом на меня.

— Ещё один «рыбак»? — сказал он с горькой насмешкой. — Можешь что-то сделать с этим, мастер?!

Это был не вопрос. Это был вызов. Тест.

«Покажи, чего ты стоишь, или проваливай».

Я посмотрел на гору рыбы, на чаны с рассолом, на монахов, которые суетились, не зная, что делать.

Потом посмотрел на Серапиона.

— Могу, — сказал я ровно.

Серапион поднял бровь, скрестив руки на груди.

— Слушаю.

Я подошёл к чану, в который монахи собирались класть рыбу. Опустил руку в рассол — вода была тёплой, почти комнатной температуры. Соли мало. Концентрация слабая.

Повернулся к Серапиону:

— Сколько времени есть?

— До заката, — ответил он жёстко. — После заката она пойдёт в отходы.

Я кивнул.

— Достаточно.

Повернулся к монахам:

— Воду — кипятить. Всю. Сколько есть котлов — ставьте на огонь. Всю соль — сюда, к этому чану. И принесите свежее яйцо. Сырое.

Монахи переглянулись, не понимая.

Серапион хмыкнул:

— Делайте, что он говорит.

Монахи бросились выполнять.

Я повернулся к Егорке:

— Мне нужны носилки, чистые вёдра и люди, которые будут таскать рыбу. Быстро.

Егорка кивнул и побежал за дядькой Панкратом.

Серапион подошёл ко мне, глядя на меня изучающе.

— Ты знаешь, что делаешь? — спросил он тихо.

— Да, — ответил я, не отводя взгляд. — Я спасу вашу рыбу. Но потом мы поговорим.

О том, что мне нужно.

Серапион медленно кивнул.

— Справедливо. Спасёшь улов — поговорим.

Он отступил на шаг, скрестил руки на груди и стал наблюдать.

Монахи притащили мешки с солью, поставили рядом с чаном. Другие разожгли костры, поставили котлы с водой.

Егорка вернулся с носилками и тремя трудниками.

Я взял яйцо, которое принёс один из монахов, и опустил его в чан с рассолом. Яйцо утонуло — легло на дно.

— Смотрите, — сказал я громко, чтобы все слышали. — Когда яйцо всплывёт и встанет вертикально — носиком вверх — рассол готов. Это значит, что соли достаточно.

Монахи смотрели на меня, как на чудотворца.

Я начал сыпать соль в чан, размешивая её длинной деревянной палкой.

Одна горсть. Вторая. Третья.

Яйцо начало всплывать — медленно, неуверенно.

Ещё соль.

Яйцо поднялось к поверхности, закачалось, потом встало вертикально — носиком вверх, торчащим из воды.

— Готово, — сказал я. — Теперь лейте кипяток. Медленно. Помешивая.

Монахи начали носить котлы с кипятком, выливать в чан. Вода становилась горячей, соль полностью растворялась.

Я контролировал процесс, пробуя воду, проверяя температуру.

Когда чан был наполнен горячим насыщенным рассолом — тузлуком — я повернулся к Егорке и трудникам:

— Рыбу — сюда. По одной носилке. Опускаете в чан, держите десять минут, вытаскиваете. Сразу — в холодный рассол. Живо!

Аврал начался. Я тоже в нем участвовал.

Носилки с рыбой опускались в горячий тузлук. Рыба бланшировалась — кожа стягивалась, чешуя светлела, мясо уплотнялось.

Десять минут — и носилки вытаскивали, переносили ко второму чану с холодным рассолом.

Процесс, который занял бы часы медленного просаливания, занимал минуты.

Гора рыбы таяла на глазах.

Серapiон стоял рядом, наблюдая. На его лице было удивление, переходящее в уважение.

Когда последняя партия рыбы ушла в холодный рассол, я выпрямился, вытер руки о штаны.

Всё тело ныло от усталости. Руки дрожали. Но работа была сделана.

Серapiон подошёл к чану с готовой рыбой, достал одну — крупного леща, — понюхал, надавил пальцем на мясо.

Попробовал краешек — откусил, прожевал, задумался.

Потом посмотрел на меня.

— Рублей десять, — сказал он тихо. — Ты спас мне рублей десять.

Пауза.

— Что тебе нужно?

Я выдохнул.

«Вот оно. Переговоры».

— Поговорим, — сказал я. — Наедине.

Серapiон кивнул.

— Идём.

Келья Серapiона была маленькой, аскетичной. Деревянные стены, узкое окно, стол, две лавки, полка с книгами. На столе — счёты, несколько восковых табличек, гусиное перо, чернильница.

Серapiон закрыл за нами дверь, жестом указал мне на лавку.

Я сел. Егорка остался снаружи — я велел ему ждать.

Серapiон сел напротив, положил руки на стол — спокойно, открыто, но глаза были внимательные, оценивающие.

— Ты спас мне рублей пятьдесят, — сказал он прямо, без предисловий. — Может, больше. Антип лежит с лихорадкой третий день. Без него мои трудники — как дети без отца. А рыба не ждёт. — Он помолчал, потом добавил: — Уважение заработал. Что тебе нужно?

Я выдохнул, собираясь с мыслями.

«Переговоры. Чётко. Без воды. Назвать проблему, назвать решение, назвать цену».

— Долг Касьяну Авинову, — сказал я. — Десять рублей серебром. Срок — неделя. Шесть дней осталось.

Серapiон кивнул, слушая.

— Мне нужны снасти, — продолжил я. — И доступ к вашей воде. Касьян перекрыл мне выход на реку в Слободе. Он контролирует всех рыбаков, всех лоцманов, всех купцов. Если я попытаюсь работать на его территории — он меня задушит.

Серапион хмыкнул:

— Касьян — пиявка. Он всю Слободу высосал. Половина рыбаков у него в долгах. Другая половина — боится попасть в долги.

— Поэтому я пришёл к вам, — сказал я. — Монастырь — единственное место, куда его рука не лезет.

Серапион усмехнулся:

— Не лезет, потому что я ему зубы обломал. Два раза пытался монастырских рыбаков в свою артель переманить. Я ему объяснил: монастырь — моя епархия. — Он стукнул кулаком по столу. — Здесь правлю я.

Я кивнул.

— Именно поэтому я здесь. Мне нужны снасти — любые, даже старые. И мне нужен челн. — Я сделал паузу. — Моя лодка «Стерлядка» на причале в Слободе. Но Касьян её сторожит. Я не могу на ней выйти, не вызвав свары.

Серапион откинулся на спинку лавки, скрестив руки на груди, изучающе глядя на меня.

— Десять серебром за неделю, — повторил он медленно. — Это много. Очень много для одного рыбака.

— Я знаю, — ответил я.

— У тебя есть план?

— Есть.

— И ты думаешь, что сможешь?

Я посмотрел ему в глаза:

— Я только что спас вам пятьдесят серебром за полдня. Думаете, за неделю я не смогу заработать десять?

Серапион усмехнулся — впервые с момента нашей встречи.

— Дерзкий, — сказал он. — Мне это нравится. — Он встал, подошёл к окну, постоял, глядя на двор. Потом обернулся. — Идёт. Пошли.

Мы вышли из кельи.

Серапион повёл меня через двор, мимо трудников, которые всё ещё разбирали улов, к дальнему углу, где стоял старый деревянный сарай.

Дверь сарая была приоткрыта, с петель свисала ржавая цепь. Серапион толкнул дверь ногой — она скрипнула и распахнулась.

Внутри было темно, пыльно, пахло сыростью и гнилью.

Серапион шагнул внутрь, я — за ним.

Когда глаза привыкли к полумраку, я увидел хлам.

Старые сети — свалены в углу, спутанные, покрытые плесенью и паутиной. Бочки — треснутые, с отвалившимися обручами. Обрывки верёвок. Куски дерева. Поплавки — деревянные, потрескавшиеся. Грузила — свинцовые, потемневшие.

— Вот, — сказал Серапион, махнув рукой. — Хлам от старой артели. Лет пять назад монастырь держал свою бригаду — двадцать человек. Потом артель распалась. Часть ушла к Касьяну, часть — разбрелась. Снасти остались здесь. Гнильё.

Я подошёл к куче сетей, присел на корточки, потрогал нити.

Мокрые. Склизкие. Рассыпаются в руках.

— Труха, — подтвердил Серапион. — Но если ты сможешь из этого что-то сделать — бери. Даром.

Я кивнул, продолжая осматривать.

Грузила — целые. Поплавки — треснутые, но их можно заменить. Верёвки — гнилые, но их можно распустить, использовать отдельные нити.

«Это не хлам. Это сырьё».

Серапион вышел из сарая, я — следом.

Он подвёл меня к краю двора, где у стены валялся старый челн.

Длинный, узкий, плоскодонный. Монастырский промысловый челн, рассчитанный на двоих-троих гребцов.

Но дырявый.

Я присел рядом, осмотрел корпус.

Доски местами сгнили, между ними — щели. В днище — несколько дыр размером с кулак. Уключины сломаны. Банки (сиденья) покрыты плесенью.

— Дырявый, как решето, — сказал Серапион. — Лет десять стоит здесь. Никому не нужен. Если починишь — твой.

Я встал, обошёл челн кругом, оценивая повреждения.

«Каркас целый. Киль не треснул. Это главное. Остальное — чинится».

Серапион смотрел на меня, ожидая ответа.

Я выпрямился, повернулся к нему:

— Беру.

Серапион кивнул.

— Тогда слушай условия. — Он поднял один палец. — Весь улов, который ты добудешь, солишь здесь. Моей солью. По твоему методу. — Второй палец. — Одну бочку готовой рыбы берёшь себе. На долг Касьяну или на продажу — твоё дело. — Третий палец. — Две бочки — монастырю. В счёт платы за снасти, за лодку, за соль, за доступ к воде.

Пауза.

— Согласен?

Я быстро посчитал в уме.

«Одна бочка — это примерно пятнадцать-двадцать серебром, если продать напрямую купцам. Может, больше, если рыба качественная. Это покрывает долг Касьяну с запасом».

«Две бочки монастырю — это честная плата. Серапион даёт мне инструменты, материалы, защиту от Касьяна. Это справедливая сделка».

— Согласен, — сказал я.

Серапион протянул руку.

Я пожал её — крепко, по-мужски.

— Тогда работай, — сказал Серапион. — У тебя шесть дней. Монастырский двор — в твоём распоряжении. Егорка будет помогать. Панкрат даст тебе инструменты — смолу, топор, нож, всё что нужно. — Он посмотрел на меня жёстко. — Но помни: если обманешь, если украдёшь, если сбежишь с уловом — я найду тебя. И тогда Касьян покажется тебе отцом родным.

Я кивнул:

— Не обману.

Серапион смотрел на меня ещё несколько секунд, потом кивнул:

— Верю. — Он развернулся, пошёл обратно к кельям, бросив через плечо: — Панкрат покажет, где что взять. Работай.

Я остался один у сарая.

Посмотрел на гору хлама внутри, на дырявый челн рядом.

«Шесть дней. Одна бочка мне. Две — монастырю».

«Нужно починить лодку. Сделать снасти. Найти рыбу. Поймать. Засолить. Продать».

«Шесть дней».

Я выдохнул, потёр лицо руками.

«Ничего невозможного. Просто работа. Большая, сложная, но — работа».

Егорка подошёл сзади, остановился рядом.

— Договорился? — спросил он.

— Да, — ответил я. — Теперь работаем.

Егорка посмотрел на челн, на сарай, потом на меня.

— Ты правда думаешь, что из этого — он ткнул пальцем в дырявую лодку, — можно сделать что-то рабочее?

Я усмехнулся:

— Егор, я из мёртвого тела сделал живого человека. Из дырявой лодки сделаю целую.

Он моргнул, не понимая метафору, но кивнул.

— Ладно. Что делаем?

Я оглядел двор, прикидывая план.

— Сначала — инструменты. Потом — сортируем хлам. Потом — чиним лодку. Потом — делаем снасти. — Я посмотрел на Егорку. — И всё это — за два дня. Потому что остальные четыре нам нужны для ловли.

Егорка присвистнул:

— Это быстро.

— Это необходимо, — поправил я. — Пошли к Панкрату. Нужны смола, топор, нож, котёл и огонь.

Мы пошли через двор к мастерским.

«Работа началась».

Панкрат дал нам всё, что я попросил.

Топор — тяжёлый, острый. Нож — длинный, широкий, для разделки. Котёл — большой, чугунный, почерневший от копоти. Бочку смолы — густой, липкой, пахнущей сосной. Дрова. Верёвки. Куски холста.

Мы с Егоркой перетащили всё это к сараю, разложили на земле.

Я присел на корточки перед горой хлама из сарая, которую мы вытащили на свет.

Старые сети — три штуки, большие, промысловые. Нити почернели от гнили, покрыты плесенью, слипшиеся в комья. Пахло сыростью и тленом.

Егорка стоял рядом, морщась от запаха.

— Это труха, — сказал он с сомнением. — Ты правда думаешь, что из этого можно что-то сделать?

Я не ответил сразу. Взял одну из сетей, потянул — нити рассыпались в руках, как паутина.

Но грузила остались целыми. Свинцовые, потемневшие, но крепкие. Поплавки — деревянные, потрескавшиеся, но их можно заменить.

Я начал выдирать грузила из гнилой сети — одно за другим, складывая в кучу.

— Это не труха, Егор, — сказал я, не отрываясь от работы. — Это сырьё.

Я указал на кучу грузил:

— Это — вечное. Свинец не гниёт. Его можно переплавить, если нужно, но и так сойдёт. — Я взял в руки нить, растянул её между пальцами. Она была склизкой, рыхлой, но не порвалась. — А нить нить мы вылечим.

Егорка нахмурился:

— Вылечим? Как?

Я встал, отряхнул руки.

— Разводи костёр. Большой. Ставь котёл. Будем топить смолу.

Егорка подчинился — натаскал дров, сложил костёр, поставил на треногу котёл.

Я открыл бочку со смолой — густая, чёрная масса с золотистыми прожилками. Зачерпнул её деревянным черпаком, начал накладывать в котёл.

Егорка поджёг костёр. Дрова разгорелись быстро — сухие, хорошие.

Смола в котле начала плавиться — медленно, вязко, превращаясь из твёрдой массы в густую жидкость.

Пока она плавилась, я взял первую сеть и начал распускать её на отдельные нити.

Это была долгая, грязная работа. Нити были спутаны, слиплись от гнили, приходилось резать узлы ножом, распутывать, отделять одну от другой.

Егорка помогал — молча, старательно, повторяя мои движения.

Когда смола в котле закипела — густо, с тяжёлым бульканьем, — я начал опускать в неё нити.

Одну за другой. Длинными отрезками, по пять-шесть метров.

Нить уходила в чёрную кипящую массу, исчезала, потом я вытаскивал её — медленно, осторожно, чтобы не порвать.

Нить выходила преображённой.

Чёрная. Жёсткая. Блестящая. Смола пропитала волокна, убила гниль, склеила рыхлую структуру.

— Смола убьёт гниль, — объяснил я Егорке, вытаскивая очередную нить и развешивая её на перекладине для просушки. — Это будет композит. Прочнее новой нити.

Егорка смотрел на процесс с восхищением и недоверием:

— Никогда такого не видел.

— Потому что здесь так не делают, — ответил я. — Здесь выбрасывают старое и покупают новое. А я делаю из старого — новое.

Мы проварили все нити из трёх сетей. Развесили их сушиться на солнце.

Чёрные блестящие нити висели рядами, как струны гигантской арфы.

Пока они сохли, я взял палку и начал чертить на земле.

План бредня. Модернизированного.

Егорка присел рядом, глядя на чертёж.

— Смотри, — сказал я, тыча палкой в рисунок. — Обычный бредень — это просто прямоугольная сеть. Два шеста по краям, грузила внизу, поплавки вверху. Его тянут вдоль берега, загоняя рыбу в «карман». — Я нарисовал карман — мелкий, неглубокий. — Но карман мелкий. Рыба легко выпрыгивает или проскальзывает под низ.

Я стёр старый рисунок, нарисовал новый.

— Мы сделаем «мотню» — глубокий карман. Вот так. — Я нарисовал мешкообразное расширение в центре бредня. — Рыба зайдёт в карман и не выйдет. Гравитация и течение прижмут её ко дну мотни. Даже если она попытается выпрыгнуть — сеть её удержит.

Егорка кивнул медленно, понимая логику.

— И ещё, — добавил я, рисуя грузила по нижнему краю, — грузила ставим чаще. Не через метр, как обычно, а через полметра. Сеть будет плотнее прилегать ко дну. Ни одна рыба не проскочит снизу.

— А поплавки? — спросил Егорка.

— Поплавки — реже, — ответил я. — Нам не нужно, чтобы верхний край торчал высоко. Это на ночь и до рассвета, на дальняк не пойдём. Нам нужно держать у косы — там, где рыба кормится на отмели.

Егорка смотрел на чертёж, потом на меня:

— Ты это откуда знаешь?

Я пожал плечами:

— Опыт.

«Опыт Глеба. Двадцать лет рыбалки. Сотни сетей. Десятки модификаций».

Мы начали собирать бредень.

Я связывал нити в сеть — узел за узлом, ячейка за ячейкой. Егорка помогал, учился, повторял мои движения.

Это была медитативная работа. Монотонная. Руки двигались сами, мозг отключался.

К середине дня у нас был каркас бредня. К вечеру — готовая сеть с глубокой мотней.

Я привязал грузила к нижнему краю — часто, через полметра, как планировал.

Поплавки — к верхнему краю, реже, для баланса.

Два длинных шеста по краям — для управления.

Бредень был готов.

Чёрный, жёсткий, пропитанный смолой, пахнущий сосной и дёгтем.

Уродливый, но прочный.

Егорка потрогал сеть, потянул — нити не растягивались, не провисали.

— Прочная, — сказал он с уважением.

— Прочнее новой, — подтвердил я. — Смола сделала её композитом. Она выдержит судака на пять кило.

Егорка присвистнул:

— Если б такого поймать

— Поймаем, — сказал я уверенно. — Но сначала — лодка.

Мы подошли к старому челну, валяющемуся у стены.

Я обошёл его кругом ещё раз, проверяя повреждения.

Дыры в днище — три штуки. Щели между досками — по всему корпусу. Уключины сломаны.

— Панкрат! — позвал я.

Дядька Егорки вышел из мастерской, подошёл к нам.

— Мне нужны доски, — сказал я. — На заплатки. И ещё смолы. Много.

Панкрат кивнул, ушёл, вернулся с охапкой досок и ещё одной бочкой смолы.

Я снова развёл костёр, растопил смолу.

Пока она плавилась, я вырезал заплатки из досок — по размеру дыр. Прикладывал, подгонял, обтёсывал топором.

Когда смола закипела, я начал заливать дыры.

Не мазать холодным дёгтем, как делали местные. Заливать горячей смолой — так, чтобы она проникла во все трещины, склеила волокна дерева, затвердела монолитом.

— Они мажут холодным дёгтем, — объяснил я Егорке, заливая очередную дыру. — Это заплатка временная. Через месяц она отвалится. Я заливаю горячей смолой. Это сварка. Навсегда.

Я прижимал доску-заплатку к дыре, заливал смолой края, держал, пока она не остыла и не затвердела.

Потом переворачивал челн, заливал дыру с другой стороны — двойная герметизация.

Каждую дыру. Каждую щель между досками.

Работа была долгой, грязной. Руки были чёрные от смолы. Одежда — в пятнах. Пахло дёгтем так сильно, что голова кружилась.

Но к вечеру челн был готов.

Чёрный, блестящий, уродливый, весь в заплатках.

Но целый.

Я перевернул его обратно, осмотрел снаружи и изнутри.

— Панкрат, — позвал я. — Помогите дотащить до воды. Проверим.

Мы вчетвером — я, Егорка, Панкрат и ещё один трудник — подняли челн и понесли к монастырскому причалу.

Опустили в воду — осторожно, медленно.

Челн лёг на воду. Качнулся. Замер.

Я смотрел на днище, ожидая, что вода начнёт просачиваться.

Секунда. Две. Пять. Десять.

Сухо.

Ни одной капли.

Егорка выдохнул с облегчением:

— Держит!

Я кивнул, но не расслабился.

— Сейчас проверим по-настоящему.
Я залез в челн — осторожно, держась за борт. Сел на банку. Челн качнулся подо мной, просел глубже в воду.
Я смотрел на днище.
Сухо.
Егорка залез следом. Сел напротив.
Челн просел ещё глубже, но держал.
Мы сидели минуту, две, три.
Вода не поступала.
— Работает, — сказал я наконец. — Вылезаем.
Мы вернулись на берег.
Панкрат хлопнул меня по плечу:
— Хорошая работа, парень. Отец Серапион будет доволен.
Я кивнул, глядя на челн, на бредень, разложенный на земле у сарая.
«К вечеру у меня есть:
1. Отремонтированный челн.
2. Сверхпрочная композитная снасть.
3. План, где ловить».
«Осталось — поймать рыбу».
Егорка сел на землю рядом со мной, вытирая грязные руки о штаны.
— Завтра на воду? — спросил он.
Я покачал головой:
— Сегодня. Ночью.
Егорка удивлённо посмотрел на меня:
— Ночью? Зачем?
— Потому что рыба ночью выходит кормиться на отмели, — ответил я. — И потому что у нас осталось пять дней. Каждый час на счётю.
Егорка кивнул медленно, соглашаясь.
— Отдохни пару часов, — сказал я. — Поешь. В полночь выходим.
Он встал, пошёл к трапезной.
Я остался сидеть на берегу, глядя на воду.
Река текла — спокойно, мерно, бесконечно.
«Пять дней. Одна бочка. Десять рублей серебром».
«Я сделаю это».
Вечер.
Солнце садилось за лес, окрашивая реку в медный цвет. Воздух становился прохладнее, тяжелее. Над водой начинал стелиться туман — тонкими прозрачными слоями, как дым.
Я сидел на монастырском причале, глядя на воду.
Уставший. Грязный. Руки в смоле, одежда в пятнах дёгтя, мышцы ноют от работы.
Но готовый.
Челн починен. Бредень сделан. Инструменты на месте.
«Осталось поймать рыбу».
Егорка сидел рядом, жуя краюху хлеба, которую принёс из трапезной. Молчал, думал о чём-то своём.
Вдалеке, выше по течению, показалась лодка.
Монастырская. Плоскодонка с двумя гребцами. Они возвращались с промысла — медленно, устало, лодка сидела высоко в воде.
Пустая.

Лодка причалила к соседнему пирсу. Рыбаки — двое мужиков средних лет, в потрёпанных рясах — вылезли на берег, вытащили лодку, начали разбирать снасти.

Один из них заметил нас, кивнул Егорке, подошёл.

Мрачное лицо. Усталые глаза.

— Егорка, — поздоровался он. — Панкрат говорит, ты с этим парнем ловить собрался? — Он кивнул на меня.

— Да, дядя Лука, — ответил Егорка. — Сегодня ночью выходим.

Лука покачал головой, присел на корточки рядом с нами.

— Зря стараетесь, парни, — сказал он тихо, глядя на воду. — Река «встала». Третий день пусто. Даже мелочь ушла. Вода «мёртвая».

Егорка замер, краюха хлеба застыла на полпути ко рту.

— Как мёртвая? — спросил он.

Лука пожал плечами:

— А так. Была рыба — нет рыбы. Мы сегодня шесть часов сети тянули. Знаешь, сколько поймали? — Он поднял руку, показал три пальца. — Три плотвицы. Три! На шесть часов работы!

Он сплюнул в воду.

— Вчера — то же самое. Позавчера — то же. Река встала. Рыба ушла. Куда — не знаю. Может, глубже. Может, вообще вниз по течению ушла. — Он посмотрел на меня. — Так что не трать силы, парень. Сейчас не сезон. Вода мёртвая.

Он встал, похлопал Егорку по плечу и пошёл обратно к своей лодке.

Егорка медленно опустил хлеб, повернулся ко мне.

Лицо осунулось. Глаза потухли.

— Мирон — начал он тихо. — Если река правда мёртвая Если рыбы нет Всё, что мы сделали Челн, сети Всё зря?

Я не ответил сразу.

Смотрел на воду — на спокойную, тёмную, текущую поверхность.

«Мёртвая река».

Это знакомо.

Глеб-рыболов сталкивался с этим десятки раз. Вода выглядит живой, течёт, шумит, но рыбы в ней нет. Как будто река опустела.

Но она не пустая.

Рыба просто ушла туда, где её не видно.

Я вспомнил турнир. Финский залив. Эхолот, показывающий пустоту на мели. И глубокую яму, где стояла вся рыба — под термоклинном, в холодном слое, где её никто не искал.

«Они ищут там, где рыба была».

«Я знаю, куда она ушла».

Я вспомнил Перекат. Глубокую яму за «зубцом» — там, где вода била в скалу, создавая обратное течение и водоворот.

Там была глубина. Холодная вода. Укрытие.

«Рыба стоит глубоко. Под термоклинном. У Переката».

Я вспомнил момент, когда тонул. Когда верёвка тянула меня вниз. Когда я видел рыбу. Золотые ауры. Десятки. Сотни. Под водой, в глубине, там, где свет не доходил.

«Я видел это один раз, когда тонул».

«Я не знаю, как это повторить. Не знаю, как включить Дар снова».

«Но я знаю, где искать».

Я выдохнул, повернулся к Егорке.

— Река не мёртвая, — сказал я твёрдо. — Просто все ищут не там.

Егорка нахмурился:

— Не там?

Я встал, подошёл к краю причала, посмотрел вниз по течению — туда, где за поворотом виднелся Перекат.

Вода там кипела белой пеной. Шумела. Била в скалы.

— Они ищут на мели, — сказал я, не оборачиваясь. — На отмелях, у берега, где рыба кормится летом. Но сейчас не лето. Вода остыла. Рыба ушла глубже — туда, где вода холоднее, где течение слабее, где есть укрытие.

Я повернулся к Егорке:

— Она стоит у Переката. В яме за «зубцом». Глубоко. Под холодным слоем. Там, куда никто не лезет, потому что опасно.

Егорка встал, подошёл ко мне, посмотрел на Перекат.

— Ты уверен? — спросил он тихо.

Я вспомнил золотые ауры. Сотни рыб, стоящих в глубине, невидимых для обычных глаз. «Я видел это. Один раз. Но я видел».

— Уверен, — ответил я.

Егорка молчал, переваривая.

Потом выдохнул, кивнул:

— Ладно. Ты пока не врал. Если говоришь — там рыба, значит, там рыба. — Он посмотрел на заходящее солнце. — Когда выходим?

Я посмотрел на небо. Солнце почти скрылось за горизонтом. Сумерки стужались.

— Через час, — сказал я. — Как стемнеет. Рыба ночью выходит из ямы кормиться. Мы встретим её на выходе.

Егорка кивнул.

— Что мне делать?

— Отдыхай. Поешь ещё. В полночь будем грести до рассвета. Нужны силы.

Егорка ушёл в трапезную.

Я остался на причале.

Смотрел на Перекат — на белую пену, на тёмные скалы, на кипящую воду.

«Там. За зубцом. В яме».

«Там стоит рыба».

«Я видел её. Один раз. Когда умирал».

«И я найду её снова. Без Дара. Просто зная, где искать».

Я сжал кулаки, чувствуя, как адреналин разливается по венам.

«Пять дней. Одна бочка. Десять рублей серебром».

«Завтра утром я вернусь с уловом. Или не вернусь вообще».

Солнце скрылось за горизонт. Сумерки перешли в ночь. Первые звёзды зажглись над рекой.

Егорка вернулся, молча кивнул мне. Готов.

Мы начали грузить снасти в челн.

Бредень — свёрнутый, тяжёлый, пропитанный смолой. Вёсла — два длинных. Черпак — на случай, если придётся вычерпывать воду. Верёвка — запасная, крепкая. Нож — за поясом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.